

На правах рукописи

Фролов Роман Михайлович

**МЕЖДУ PRIVATI И MAGISTRATUS:
ГРАЖДАНЕ ПЕРЕХОДНЫХ СТАТУСОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Нижний Новгород – 2026

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории исторического факультета и в Научно-образовательном центре антиковедения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова».

Научный консультант:

Дементьева Вера Викторовна
доктор исторических наук, профессор;
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»,
кафедра всеобщей истории, профессор

Официальные оппоненты:

Парфенов Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор;
Саратовская православная духовная семинария,
кафедра Церковной истории, профессор

Сморчков Андрей Михайлович
доктор исторических наук, доцент;
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»,
кафедра истории древнего мира, профессор

Абрамзон Михаил Григорьевич
доктор исторических наук, профессор;
ФГБОУ ВО «Магнитогорский
государственный технический университет им. Г.И. Носова»,
НИИ исторической антропологии и филологии, директор,
кафедра всеобщей истории, профессор

Ведущая организация:

**ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»**

Защита диссертации состоится «14» октября 2026 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета 99.2.042.02 при ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд. 103.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» и на сайте ННГУ по адресу: <https://diss.unn.ru/files/2026/1638/diss-Frolov-1638.pdf>.

Автореферат диссертации разослан «_____» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Абидулин Алим Маратович

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Публично-правовое регулирование в античном Риме достигло высокого уровня развития, что во многом обуславливает непреходящий научный интерес к рассмотрению политического наследия Римской республики. Процедуры и механизмы осуществления власти длительный период времени отвечали задачам управления обширной державой. Однако не все стороны политической жизни Республики основывались на формализованных правилах. Исследование неформальных аспектов политической культуры дополняет картину, еще более стимулируя интерес к римской *civitas*, открывая простор для эксплицитных и имплицитных сопоставлений с современными политическими системами.

В Римской республике участие в формировании политической «повестки дня» могли принимать не только те граждане, которые обладали в тот или иной момент времени публичной властью. Актуальным является поэтому рассмотрение вопроса о том, в какой мере формальные полномочия должностного лица или, наоборот, отсутствие должности и предоставляемых ею ресурсов и возможностей предопределяли исход той или иной инициативы. Анализ переходных статусов между *privati* (не занимавших магистратских должностей) и *magistratus* (лицами на магистратских должностях) позволяет рассматривать элементы государственно-правового регулирования и неформальные аспекты политической культуры не изолированно, а во взаимодействии между собой.

Актуальность избранной темы также определяется ее потенциалом для изучения труднопереводимых на современные языки римских политико-правовых категорий, таких как *auctoritas*, которые не имеют прямых аналогов в современном политическом словаре.

Еще одна причина, по которой вопрос о переходных статусах заслуживает подробного исследования, связана с анализом становления Принципата, в условиях которого магистраты утратили свое политическое значение, сохранив, как пишет Тацит, лишь наименования (Тас. *Ann.* 1.3: *eadem magistratum vocabula*). Современные исследователи прослеживают республиканскую предысторию процесса обособления отдельных магистратских полномочий от магистратуры. Изучение переходных статусов между *privati* и *magistratus* предлагает новый ракурс рассмотрения элементов политической практики, которые связывали Республику и Принципат.

Наконец, рассмотрение случаев, в которых магистраты уступали другим акторам ведущую политическую роль, позволяет составить более развернутое и углубленное представление о магистратуре как таковой. Немаловажным оказывается исследование переходных статусов для понимания общих особенностей терминологии источников, в частности, для выяснения дополнительных причин того, что римляне только некоторых должностных лиц относили к категории *magistratus*. С римской точки зрения противопоставление магистратов и иных должностных лиц мыслилось принципиальным, и уже поэтому требует объяснения. Изучение переходных статусов связано с выяснением того, что именно (помимо набора формальных прерогатив, символов власти или перформативных практик) отличало *magistratus* от *privati* – или должно было отличать, по мнению античных авторов.

Объектом исследования являются публично-правовая система и политическая культура Римской республики.

Предмет исследования составляет деятельность лиц, имевших статус, переходный между *privati* и *magistratus* (магистратов-десигнатов, магистратов, временно отстраненных от исполнения обязанностей, и промагистратов), в качестве самостоятельных субъектов политики в сфере *domi*.

Цели и задачи исследования. Цель работы двудеина. С одной стороны, она состоит в том, чтобы выявить механизмы реализации политического лидерства в Римской республике на стыке публично-правового регулирования и неформальной политики через призму рассмотрения институциональных рамок и практических результатов деятельности обладателей переходных статусов между *privati* и *magistratus* в городе Риме и в сфере *domi* в целом. Рассматриваются способы, при помощи которых политические лидеры могли добиться успеха или, напротив, потерпеть неудачу в попытках оказать влияние на «повестку дня». Иными словами, важно выявить, что именно определяло успех или неудачу обладателей переходных статусов в политической сфере, какие факторы оказывали наибольшее влияние, в какой мере формальные полномочия, связанные с должностью, или их отсутствие (либо затруднения при их фактическом применении) предопределяли исход политического момента.

С другой стороны, помимо изучения самих реалий, цель исследования состоит также в том, чтобы попытаться определить способы и приемы, при помощи которых античные наблюдатели замечали, описывали и оценивали деятельность граждан переходных статусов, даже если оперировали исключительно такой терминологией (дихотомией *privatus/magistratus*), которая не вполне подходила для такого применения.

Сообразно с поставленными целями, исследование предусматривает решение следующих задач:

1. Для получения сравнительного материала и формулировки конкретных вопросов, необходимых для анализа переходных статусов между *privati* и *magistratus*, важно рассмотреть условия, механизмы и способы описания (терминологию и оценки) в источниках некоторых случаев вмешательства собственно *privati* в политический процесс в роли его самостоятельных организаторов.

2. В рамках изучения положения магистратов-десигнатов уточнить их публично-правовой статус, наличие или отсутствие у них отдельных полномочий действующих магистратов.

3. Рассмотреть способы описания античными авторами и оценки ими ситуаций, в которых десигнаты (прежде всего, консулы-десигнаты) выступали в качестве самостоятельных субъектов политического процесса, индивидуальные действия которых оказывались различимы в античной нарративной традиции. Определить условия и причины возникновения таких ситуаций.

4. Выявить конкретные механизмы, как публично-правовые, так и неформальные, по оказанию десигнатами влияния на политический процесс.

5. В контексте рассмотрения вопроса об отстранении магистратов от должностных обязанностей изучить публично-правовое содержание и практику абдикации и абrogации магистратур в эпоху Республики.

6. Определить механизмы ограничения возможностей применения магистратской власти без ее формального лишения. Выявить соответствующие эпизоды.

7. Уточнить статус магистрата и публично-правовые последствия в случае его отстранения от должностных обязанностей.

8. Изучить терминологию античной традиции для обозначения отстранения магистратов от должностных обязанностей.

9. Определить конкретные механизмы и маркеры описания в источниках отстранения магистратов от должностных обязанностей.

10. Рассмотреть реакцию и модели поведения магистратов в случае их отстранения, механизмы и признаки восстановления их положения, если таковое было возможно. Предложить интерпретацию значения данного механизма для исторического развития политической системы и политической культуры Республики в целом.

11. В рамках изучения политической роли промагистратов уточнить их публично-правовое положение, терминологию для их обозначения в зависимости от модальностей оказания ими влияния на политический процесс в сфере *domi*.

12. Выявить эпизоды вмешательства промагистратов в сферу *domi*, способы описания данной ситуации в античной традиции. Определить публично-правовые и неформальные механизмы такого вмешательства, наличие или отсутствие в ходе него нарушений правовых норм, роль магистратов и других акторов в таких случаях. Уточнить степень регулярности или, наоборот, исключительности рассматриваемых эпизодов на разных этапах развития Республики. Выявить, если таковые имеются, изменения в практике вмешательства промагистратов в сферу *domi* в эпоху Республики.

13. С целью проверки гипотезы о том, что после завершения магистратских полномочий триумвиры *rei publicae constituendae* оказались формально на положении проконсулов, изучить имеющиеся в историографии интерпретации их правового положения после 33 г. Рассмотреть конкретные сведения о деятельности триумвиров (или экс-триумвиров) г.р.с. в сфере *domi* в этот период времени.

14. По результатам анализа всех трех переходных статусов между *privati* и *magistratus* определить, существуют ли общие тенденции при их описании и оценке их политической деятельности античной традицией. Сделать предварительные наблюдения относительно того, возможно ли, и если да, то каким образом, применить сделанные выводы при интерпретации политического развития в эпоху Августа и его первых преемников.

Хронологические рамки диссертации охватывают главным образом III–I вв. до н.э., причем в значительной степени речь идет о I в. до н.э. Это определяется не только общим состоянием источниковой базы изучения истории Республики, но и тем обстоятельством, что сами изучаемые реалии – переходные статусы между *privati* и *magistratus* – возникли или стали заметными в основном лишь в источниках, повествующих о последнем веке *libera res publica*.

Географические рамки исследования включают всю территорию Римской державы изучаемого периода. Хотя специфика политической системы Республики и формулировка темы диссертации предполагает, что главное внимание уделяется территории города Рима и его ближайшей округи, ряд важных источников эпиграфического характера происходят из провинций.

Теоретико-методологической основой диссертации послужил, с одной стороны, этатический подход к изучению публично-правового устройства Римской республики, в противовес неэтатическому, отрицающему государственный характер римской политической системы V–I вв. до н.э.¹ С другой стороны, фундаментальной

¹ См.: Shaw B.D. Was the Roman State a State? // *Medieval Worlds*. 2023. № 18. P. 3–71; Dementyeva V.V. Etatic and Non-etatic Approaches to the Study of Ancient Civil Community: Discussions on *civitas Romana* // *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. 2025. Т. 8. № 2. С. 149–168.

опорой проведенного исследования явилась концепция «политической культуры», которая в приложении к римской *civitas* означает акцент на рассмотрении коммуникативного, символического, перформативного, ритуального измерения политической жизни, на стратегиях и средствах самопрезентации, самолегитимации и «самоконструирования» римского политического класса². Таким образом, анализ публично-правового устройства Римской республики как особого типа государства дополняется рассмотрением неформальных аспектов ее политической культуры.

Методы исследования. В основу диссертации положены общенаучные и специальные методы исторического исследования.

Историко-системный анализ в применении к изучаемой теме акцентирует внимание на выявлении зависимостей между деятельностью носителей переходных статусов и других политических акторов (как *privati*, так и *magistratus*), а также коллективных органов римской *civitas* (главным образом сената, комиций и *contiones*).

Историко-генетический подход приводит к необходимости выявления трансформации публично-правовых и политических условий деятельности граждан переходных статусов.

Историко-правовое моделирование дает возможность выявить рамки функционирования носителей переходных статусов, определить их статус с точки зрения дихотомии *privatus/magistratus*, уточнить наличие или отсутствие у них тех или иных магистратских полномочий. В свою очередь, реконструкция публично-правовой ситуации позволяет подготовить исследование особенностей политической культуры.

В работе активно применяется терминологический анализ. Выбор античным автором обозначений, метафор, определений для политических акторов, особенно если их положение являлось неустойчивым, спорным, неопределенным или переходным, уже само по себе информативно.

Поскольку одной из задач исследования является выявление способов описания, концептуализации политической деятельности граждан переходных статусов античными авторами, каждый из которых имел собственные индивидуальные представления и задачи (например, задачу объяснить греческому читателю работу римской политической системы), необходимо использовать историко-антропологический подход. Он является значимым еще и в другом отношении: поскольку речь идет об акторах, действовавших зачастую «за пределами» сферы применения имевшихся у них формальных полномочий (как промагистраты в сфере *domi*) или использовавших возможности неформальной конкуренции с носителями магистратской власти (как магистраты-десигнаты, еще не получившие соответствующих полномочий), важен акцент на информации о ритуалах, жестах, церемониях, в том числе, о нарушениях нормативных ожиданий, связанных с ними, то есть на том, что историография обычно включает в понятие «политическая культура».

Сравнительный подход широко применяется в представленной работе. Сама формулировка темы диссертации призвана расширить совокупность эпизодов, которые могут быть подвергнуты такому анализу: несмотря на существенные различия основных типов ситуаций, рассматриваемых в отдельных главах диссертации, наблюдения по их поводу можно попытаться обобщить на основании наличия во всех них

² См. последний обзор: Hölkeskamp, K.-J. *Politics and Power in the Roman Republic – Then and Now, in Old Europe and the Brave New Anglophone World: A Documented Survey // The Roman Republic and Political Culture: German Scholarship in Translation / Eds. A. Russell, H. Beck. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. P. 27–70.*

описаний перехода от положения *privatus* к статусу *magistratus* (либо в обратном порядке) или неустойчивости положения политического актора.

В связи с этим следует отметить и применение типологизации (историко-типологического метода). Он используется в большей степени не для обобщения материала источников (поскольку число эпизодов для последующей типологизации не так велико), а для выделения самих основных типов ситуаций, когда политические акторы оказываются в состоянии переходном между *privati* и *magistratus*.

Особенно частой ситуацией при анализе источников является необходимость интерпретировать данные античной традиции об уникальных, лишь единожды происходивших, событиях или неповторяющемся сочетании обстоятельств, касавшихся деятельности граждан переходных статусов между *privati* и *magistratus*. Как отмечает А.М. Сморгчов, «Логически на первый взгляд возможны три варианта их объяснения ... Первый – отвергнуть эти сообщения как недостоверные. Второй – объяснить их особыми обстоятельствами, породившими исключения. Третий – признать их за норму, т.е. генерализировать». Каждый из подходов сопряжен с существенными рисками³. Сама формулировка темы диссертации предполагает сознательный акцент на случаях, с высокой долей вероятности представлявших собой скорее исключения из общих правил функционирования римской политической системы, чем отражение обычной ситуации.

Методом работы с источниками послужило обобщение их информации в виде электронных баз данных. В рамках двух компактных по объему баз данных собраны сведения источников о наиболее важных эпизодах, касающихся деятельности магистратов-десигнатов и отстранения магистратов от должностных обязанностей. Работа над базами данных позволяет заметить неучтенные при предшествующем анализе словоупотребления и создать эффективный для повторного обращения инструмент поиска.

Предлагаемая в качестве основного исследовательского инструментария научная абстракция («переходные статусы между *privati* и *magistratus*»), прежде всего, дает возможность рассматривать в качестве взаимосвязанных ряд «кластеров» эпизодов, которые ранее не подвергались анализу в прямом сопоставлении друг с другом, так как в языке источников они не концептуализировались явно как части целого. Подчеркнув наличие сходства по существенному основанию между не связанными в источниках столь явно политическими практиками, рассматривая их в сопоставлении друг с другом, можно получить дополнительные данные для обоснованных аналогий, на базе которых, в свою очередь, могут быть предложены новые интерпретации фрагментированных сведений о каждом конкретном эпизоде.

Под теми, кто имел переходный статус между *privati* и *magistratus*, можно понимать тех акторов политического процесса в Римской республике, которых сами античные авторы не могли с публично-правовой точки зрения однозначно отнести к категории *privatus* или к категории *magistratus*. При таком подходе можно было бы ожидать, что в дошедших до нас версиях традиции один и тот же такой политический деятель будет определен по-разному: как *privatus* или как *magistratus*. Однако представленное исследование сфокусировано на изучении носителей переходных статусов в ином смысле. Речь идет о политических субъектах, чье юридическое положение все

³ Сморгчов А.М. Уникальные религиозно-политические события в изложении Тита Ливия и методика их анализа // *Antiquitas Aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. 2011. Вып. 3. С. 119.

же было однозначно определено либо как *privatus*, либо как *magistratus* (даже если такое их определение не сразу очевидно для современного исследователя и само требует сначала уточнения и подробного анализа), но при этом имела место одна из следующих конкретных ситуаций: (1) ожидание скорого неизбежного изменения публично-правового статуса (от положения *privatus* к положению *magistratus*, как в случае с магистратами-десигнатами); (2) временное блокирование реализации публично-правовых возможностей, проистекавших из уже имевшегося статуса (как в случае с магистратами, временно отстраненными от должностных обязанностей); (3) наоборот, расширение сферы активности должностного лица, не являвшегося магистратом, за пределы установленной для него сферы компетенции (деятельность промагистратов в сфере *domi*). Каждый из этих трех случаев описывает наиболее типичную ситуацию либо перехода, либо неустойчивости положения политического субъекта, которая могла возникнуть до, в процессе или после исполнения им магистратуры. Таким образом, перечень этих ситуаций не случаен. Он является необходимым и достаточным, т.е. репрезентативным, выбором из числа всех потенциально возможных ситуаций неопределенности и неустойчивости с точки зрения римской дихотомии *privatus/magistratus* и в конкретно-исторических условиях античного Рима изучаемого периода (например, то, что в этом наборе ситуаций появляются промагистраты, действовавшие в сфере *domi*, является следствием конкретной римской ситуации, а не результатом схематического рассуждения по поводу в принципе возможных переходных или промежуточных статусов между *privatus* и *magistratus*). При этом ряд иных потенциально представимых статусов такого рода следует исключить из рассмотрения.

Критерии выбора указанных ситуаций могут быть определены и иначе. Какое бы из отмеченных положений ни рассматривалось, они оцениваются в источниках как не вполне соответствовавшие тому, что обычно предусмотрено для, соответственно, *privati* или *magistratus* (в зависимости от того, какой формальный статус имелся).

А. Винтерлинг выдвинул тезис о том, что римляне в качестве базового средства «самоописания» прибегали к использованию строгой дихотомии *privatus/magistratus*. Если согласиться с тем, что «развитие дихотомии *publicus/privatus* в имперском Риме находит свое отражение в реальных исторических противоречиях и парадоксах»⁴, то исследование применения дихотомии *privatus/magistratus* к тем (республиканским) деятелям, чья позиция по определению не могла быть легко описана в ее терминах, представляется перспективным, особенно тогда, когда ставится цель уточнить соотношение формальных и неформальных аспектов политического лидерства в Римской республике.

В центре внимания в представленной работе не находится какое-либо понятие источников, которое можно было бы изучать, уточняя его значение, эволюцию содержания и применение. Вместо этого предлагается на основании факта упоминания переходного статуса между *privati* и *magistratus* связать между собой ряд таких свидетельств, в которых нет или почти нет одинаковой политической терминологии. В то же время, даже такой подход опирается на рассмотрение римских категорий *privatus* и *magistratus* как незаменимых ориентиров, благодаря чему сохраняется связь логики современного исследования с пониманием и описанием самими римлянами политического развития их гражданской общины.

⁴ Winterling A. *Politics and Society in Imperial Rome*. Malden, MA; Oxford; Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. P. 76.

Поскольку в диссертации ставится вопрос о политической роли и средствах, использовавшихся обладателями промежуточных статусов, акцент делается на индивидуальных действиях, которые они могли совершать сами, и которые источники каким-либо образом отделяют от действий других участников политического процесса, несмотря на то, что, как отмечает У. Вальтер, даже вне рамок политических институтов римляне выступали не столько как индивиды, сколько как члены различных ассоциаций, сообществ и групп⁵. В диссертационном исследовании речь идет почти исключительно о представителях сенаторского политического класса. К тем из них, кто находился в процессе перехода от статуса *privatus* к статусу *magistratus* и обратно, чаще всего и может быть отнесено понятие «переходный статус». Таким образом, в рамках данной работы важен вопрос о том, какие действия обладатели промежуточных статусов могли осуществить самостоятельно, независимо, без помощи других участников политического процесса.

Применение понятия «инициатива» для описания того, как функционирует политическое лидерство также требует комментария. Различие между проактивным и реактивным поведением политических субъектов, между оценкой политического акта как «инициативы» или как «реакции» зависит, по-видимому, от выбранной «точки отсчета», т.е. от контекста⁶. В таком случае исследователям необходимо пояснять этот контекст, уточнять и объяснять свои критерии определения начального события в цепи реакций, учитывать оценки античными авторами того или иного мероприятия как «начала» только в каком-то конкретном отношении, а также выяснять масштабы откликов и реакций на него. Особенное внимание должно быть при этом обращено на такие реакции, которые не были ожидаемы инициатором процесса и которые, в свою очередь, могли уже по этой причине становиться мощными стимулами для продолжения цепочки действий или даже преодоления ранее возникшей тенденции.

Помимо изучения политической инициативы как таковой, можно искать и рассматривать сопутствующие ей явления. Например, выяснять наличие у отдельных граждан внутренних мотивов, побуждавших действовать, а не только реагировать. Целесообразно также обратить внимание на указания источников по поводу того, что один из участников событий берет на себя риск, что является еще одним признаком инициативы, который может привлечь такое внимание античных авторов, чтобы заслужить упоминание ими. Наконец, исследуя арсенал потенциальных действий, который был доступен политическим акторам в конкретной ситуации, можно попытаться выделить тех, кто не только делал выбор и реализовывал его, но и расширял сам набор доступных возможностей, предлагая решения, которые ранее считались недоступными, либо еще не были разработаны. Однако следует учитывать, что состояние источниковой базы в некоторых случаях может привести к тому, что поступок политического актора выглядит неожиданным (в смысле, рассматриваемом, в частности, в трудах Х. Арендт) или спонтанным только по той причине, что до нас не дошли свидетельства, которые давали бы понять, что известное нам действие было реакцией на неизвестные нам предшествующие инициативы.

Не во всех случаях, когда имеются сведения об индивидуальных действиях граждан переходных статусов, можно говорить о проявлении ими политической ини-

⁵ Walter U. *Politische Ordnung in der römischen Republik*. Berlin; Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2017. S. 11.

⁶ Ср., напр.: Burns J.M. *Transforming Leadership: A New Pursuit of Happiness*. New York: Grove Press, 2003. P. 185; Burns J.M. *Leadership*. New York: Harper Perennial, 2010. P. 290, 484.

циативы. Например, даже если источники описывают акт, осуществленный конкретным лицом (например, избранный магистрат произносит публичную политическую речь), это действие не обязательно совершено по его собственной инициативе. Важно проводить это различие, хотя из-за специфики источников большинство отраженных в них ситуаций в той или иной степени все же сопряжены с политической инициативой.

Основные наблюдения в рамках данной работы связаны с проверкой предположения о том, что именно наличие или отсутствие политической инициативы определяло то, как нарративные и эпиграфические источники описывают деятельность обладателей переходных статусов. По этой причине необходимо удостовериться, что выборка эпизодов, в которых можно распознать индивидуальные политические действия, не предполагает автоматически, что все происходило по инициативе самих рассматриваемых лиц. Чтобы обеспечить это, анализируются не только те случаи, в которых инициатива наблюдаема (магистраты-десигнаты, промагистраты в сфере *domi*), но и такие ситуации, в которых акторы, занимавшие промежуточные позиции, как правило, *не* проявляют политическую инициативу (магистраты, отстраненные от должностных обязанностей). Дополнительным способом избежать риска «порочного круга» аргументации (когда отбираются только те случаи, в которых фактор, полагаемый существенным, априори будет выступать на первый план) является учет и тех эпизодов, в которых даже магистраты-десигнаты и промагистраты, проявившие активность в сфере *domi*, *не* осуществляли реального контроля над инициативой, вопреки всем нашим ожиданиям и несмотря на то, что источники об их самостоятельных действиях все же сообщают.

Важным методическим приемом в диссертации является изучение публичных жестов, выступлений в *contiones* и на других собраниях, политических церемоний и ритуалов и всех тех действий обладателей переходных статусов, которые потенциально могли быть непосредственно наблюдаемы согражданами или, по крайней мере, становиться широко известными *postfactum*. Фундаментальная особенность римской политической культуры заключается в том, что участие в политическом процессе на расстоянии, равно как и формализованные механизмы политического представительства, так и не стали в ее рамках эффективным продолжением, а тем более заменой, инструментария «*face-to-face politics*», несмотря на развитие некоторых важных тенденций в этом направлении⁷. В данном исследовании почти всегда речь идет о личном прямом вмешательстве в процесс принятия решений.

С упомянутым обстоятельством тесно связан акцент в настоящей работе на изучении политической ситуации в городе Рима, точнее, на исследовании сферы *domi*, а не на рассмотрении управления державой.

В диссертации предпочтение также отдается изучению коммуникации между «политическим классом» и «рядовыми гражданами», а не внутри элиты. Изучается политическое действие в пространстве, определяемом в современном словоупотреблении как преимущественно «публичное», что в случае Римской республики почти всегда означает такой вид политической коммуникации, который не ограничен членами элиты даже в самом широком понимании состава последней. В качестве еще одной причины выбора такого ракурса выступает тот факт, что граждане с промежуточ-

⁷ См.: Demytyewa V.V. Die römische «Meritokratie» und die Entwicklung politischer Repräsentation // Volk und Demokratie im Altertum. Bd. 1 / Hrsg. V.V. Demytyewa, T. Schmitt. Göttingen: Ruprecht, 2010. S. 107–141.

ными статусами, исследуемые в данной работе, часто становятся активными не просто как лидеры, а как такие лидеры, которые, с точки зрения античных наблюдателей, сопоставимы с действующими магистратами, причем именно в тех ситуациях, когда они пытались повлиять на более широкие круги сограждан, непосредственно в режиме общения «лицом к лицу» либо через механизмы коллективных институтов *civitas*.

В связи с характером имеющихся сведений о переходных статусах, описанных выше, больше внимания уделяется способам предварительной подготовки политических решений и меньше – формальному их принятию сенатом, комициями или магистратами. Это связано с тем, что возможности рассматриваемых акторов непосредственно инициировать принятие законов или самим отдавать распоряжения в качестве формально обязательных для гражданского коллектива были весьма ограничены. Переходное положение, в котором оказывались изучаемые субъекты политики, означало, как правило, что сначала они должны были найти способ преодолеть ограничения собственного неустойчивого положения. Как правило, только получив «более стабильный» статус (магистратуру либо специальные дополнительные полномочия), они могли напрямую влиять на принятие официальных решений гражданским коллективом.

В целом, понятийно-терминологический, семиологический, герменевтический, историко-типологический, компаративный, историко-правовой, историко-антропологический анализ послужили приоритетными методами изучения избранной тематики, имеющей трансдисциплинарные проекции.

Научная новизна заключается, прежде всего, в попытке предложить ранее не апробированный подход, который дает возможность объединить рассмотрение ряда явлений политической жизни Республики (а именно: самостоятельной политической роли магистратов-десигнатов, магистратов, временно отстраненных от исполнения своих обязанностей, и промагистратов в сфере *domi*), для совокупности которых сами античные авторы не выработали специальной терминологии. Впервые в историографии в фокусе исследовательского внимания оказываются обладатели «переходных» или «промежуточных» позиций или статусов между *privati* и *magistratus*. В источниках нет точного рамочного обозначения для них. Тем не менее, при помощи данной исследовательской категории, являющейся научной абстракцией (которая, насколько можно судить, еще не предлагалась в историографии) становится доступен новый способ отбора, сопоставления и осмысления того, что источники могут сообщить о широком круге политических деятелей и о разнообразных процессах, которые в ином случае выглядели бы лишь слабо связанными или даже почти изолированными. Когда они рассматриваются вместе, наблюдения по их поводу, как становится видно, начинают в некоторых случаях взаимно дополнять друг друга. Иногда это позволяет сделать выбор между конкурирующими интерпретациями в некоторых сложных для анализа случаях, когда приходится иметь дело с особо фрагментированными или противоречивыми свидетельствами источников. На заключительном этапе исследования становится возможным выявить в самих источниках иной, вместо специальной эксплицитной терминологии, способ описания той совокупности ситуаций, которая на начальном этапе работы определяется благодаря разработанному исследовательскому категориальному аппарату.

Результатом применения указанного подхода является концепция роли носителей переходных статусов между *privati* и *magistratus* в политической жизни и политической культуре Римской республики, охватывающая проявления римскими гражда-

нами политического лидерства в тех ситуациях, когда наблюдалось несоответствие публично-правового положения лидера и его активных действий, выразившихся преимущественно в неформальной политической инициативе.

Предложенная концепция позволяет впервые в историографии описать «компенсаторный» механизм, сложившийся в I в. до н.э. и необходимый для предотвращения катастрофического сценария потери доверия граждан к политическому классу в целом, а также для сглаживания остроты конфликтов внутри последнего. Механизм этот заключался в том, что при некоторых условиях успешные политики из числа магистратов-десигнатов и промагистратов могли проявить неформальную политическую инициативу в сфере *domi* в условиях недостатка активности со стороны магистратов. С другой стороны, допускалась возможность воспрепятствовать (без лишения должности) политической инициативе тех, кто, занимая магистратуры, признавался оказывающим дестабилизирующее воздействие на систему.

Положения, выносимые на защиту:

1. В качестве ключевого элемента категориального аппарата исследования вводится понятие «переходные статусы римских граждан». Под их носителями понимаются лица, выступавшие в период Республики политическими акторами, которых источники однозначно причисляют к *privati* либо *magistratus* (в дихотомии публичного права), но характеризуют их деятельность как характерную скорее для лиц противоположного статуса. К носителям переходных статусов отнесены политически активные магистраты-десигнаты, магистраты, временно отстраненные от исполнения должностных обязанностей, и промагистраты, действовавшие в сфере *domi*.

2. Античная традиция эпохи поздней Республики и ранней Империи в кризисных обстоятельствах признавала допустимой самостоятельную политическую инициативу *privati*, не относившихся к числу десигнатов и промагистратов, и описывала ее при помощи терминологии, уподоблявшей частных лиц и их действия магистратам и некоторым их актам.

3. Магистраты-десигнаты не обладали *ius edicendi* и защитой от судебного преследования (в противоположность должностным лицам), поэтому, имея промежуточный статус, в указанных отношениях не отличались от иных представителей правовой категории *privati*. Их активность, напоминающая деятельность магистратов, была связана с проявлением неформальной инициативы.

4. Некоторые консулы-десигнаты успешно конкурировали с действующими консулами вне заседаний сената. В таких случаях античные авторы прямо или косвенно подчеркивают, что десигнаты выступают подобно консулам или вместо них. Условием такой активности *designati* являлась политическая пассивность действующих магистратов либо их отсутствие в Риме. Античные авторы подчеркивают превосходство таких десигнатов с точки зрения неформального влияния и описывают распоряжения десигнатов словами *edictum et litterae*, *ура́мтата*, *vetare* и другой «легитимирующей» терминологией.

5. Применение античными авторами «легитимирующей» терминологии не зависело от политической оценки ими того или иного десигната. Уподобление десигнатов действующим магистратам наблюдается во всех эпизодах, в которых десигнаты выступают с политической инициативой, обычно характерной для магистратов.

6. Способность десигнатов играть активную самостоятельную политическую роль базировалась, прежде всего, на умении инструментализировать ожидания их скорого вступления в должность и включала такие механизмы, как обещания ввести

изменения в будущем распоряжения, угрозы применить против отдельных лиц власть магистрата после вступления в должность, выступления в *contiones* вместо магистрата и др. Вместе с тем, ожидания смены публично-правового статуса могли ограничивать свободу политического выбора для десигнатов, чем пользовались их соперники.

7. В отличие от добровольной или вынужденной абдикации и абrogации пророгированного или делегированного империя промагистрата, абrogация магистратуры или плебейского трибуната (лишение этих должностей без согласия их носителей, по решению комиций) в Римской республике не практиковалась за исключением единичных случаев. Для блокирования реализации магистратом его полномочий применялись не только интерцессия или арест, но и временное отстранение от должностных обязанностей. Публично-правовой статус магистрата при этом не менялся. Для обозначения этой ситуации в источниках применяются различные выражения (*in ordinem cogi*, *administratione rei publicae summoveve*, *ἐλάρχοντα παύειν* и др.). Некоторые описания содержат термины, прямо указывающие на потерю способности к политической инициативе (например, *quieturus*).

8. В кратких нарративах для обозначения отстранения от должности может употребляться термин *abrogare/abrogatio*, однако анализ контекста конкретных событий всякий раз исключает возможность того, что имело место лишение должности. Такая терминология, будучи с правовой точки зрения неточной, тем не менее, отражает понимание античными наблюдателями отстранения магистратов как акта, фактически низводившего последних на положение *privati*.

9. Греческие авторы поясняют своей аудитории существование в римской политической практике возможности сохранения статуса *magistratus* при лишении провинции (сферы деятельности) и утрате способности активно влиять на ход политического процесса. В римском восприятии временное отстранение от должностных обязанностей не требовало комментария, следовательно, оно было глубоко укоренившимся компонентом политической культуры римской *civitas* эпохи Республики.

10. Отстранение от должностных обязанностей обычно описывается в источниках как совместный акт сената и высших магистратов, который обеспечивался легальными средствами одномоментного применения (например, повторяющимися актами интерцессии со стороны высшего магистрата) и дополнялся различными средствами экстра-легального принуждения. Такого рода отстранение от власти формально не означало потерю или умаление магистратской власти. Маркерами этой ситуации являются сведения о физическом удалении или вытеснении магистрата из политически значимых публичных пространств *civitas*, установление наблюдения за магистратом, призыв к гражданам воздержаться от обращения с запросами к магистрату как носителю публичной власти, умаление внешнего достоинства и изменение облика носителя магистратской власти, передача провинции магистрата его коллеге.

11. Отстранение от должностных обязанностей не игнорировалось, а признавалось самим отстраняемым магистратом как политическая реальность. Оно потенциально являлось временным и обратимым. Для его преодоления необходимы были инициатива сторонников, повторное неформальное подтверждение авторитета магистрата со стороны гражданского коллектива (например, аудиторией *contio*) и, в финале этого процесса, – со стороны тех акторов, которые инициировали отстранение. Свидетельствами восстановления положения ранее отстраненного магистрата являлись постановления сената, заявления в *contiones*, появление магистрата в публичных пространствах, демонстрация восстановленных инсигний, возвращение магистрата к

реализации своих обычных обязанностей, нормализация личной коммуникации членов элиты.

12. Во всех известных случаях отстранения от должностных обязанностей наблюдается утрата способности к политической инициативе, при описании чего в источниках всегда заметно прямое или косвенное уподобление отстраненного магистрата *privatus*. В этом отношении ситуация оказывалась обратной случаям магистратов-десигнатов.

13. Практика отстранения от исполнения должностных обязанностей позволяла уклониться от прямого формального нарушения принципа воплощения суверенитета римского народа в фигуре избранного им магистрата, поскольку сам статус *magistratus* оставался неприкосновенным. Потребность в такого рода инструментах являлась объективным следствием усложнения и ускорения динамики политической жизни в конце Республики. Отстранение от должностных обязанностей можно также интерпретировать как маркер глубокого политического конфликта.

14. Все промагистраты относились к правовой категории *privati*, но, в отличие от других *privati*, они являлись носителями публичной власти. Тем не менее, в римской систематике они не составляли категории одного уровня с *privati* и *magistratus*. Данному выводу не противоречит противопоставление в античных источниках промагистратов и (других) *privati*. Подчеркнутый акцент на формальном статусе промагистратов как *privati* возникает в античной традиции только при появлении дополнительных причин, таких как необходимость критики вмешательства промагистратов в сферу *domi*. Это показывает исходное несоответствие статуса *privatus* роли промагистратов как должностных лиц, потенциально способных оказать влияние на все без исключения сферы политической жизни Республики.

15. Примеры вмешательства промагистратов (проконсулов/пропреторов) в сферу *domi* известны почти исключительно для последних десятилетий существования Республики. Общим для всех них является акцент античных авторов на том, что промагистраты подменяли магистратов, причем констатация такой подмены (как с позитивной, так и с негативной ее оценкой) и сглаживание терминологического различия промагистратов и магистратов наблюдается в античных текстах тогда, когда промагистраты не просто совершали в сфере *domi* самостоятельные действия, но проявляли в ней политическую инициативу.

16. Способами вмешательства промагистратов в сферу *domi* являлись манипуляция магистратами для создания возможности выступить на официальной *contio* или в сенате с политически значимыми заявлениями, внесение и «продвижение» собственных предложений для разрешения политических проблем, находящихся вне сферы ответственности промагистрата, завуалированная угроза применения военной силы для давления на республиканские институты, организация неформальных собраний сенаторов *ad urbem*, «распоряжения» сенаторам и магистратам и др.

17. Несмотря на огромное влияние некоторых проконсулов на политическую ситуацию в городе Риме, формально они оставались критически зависимыми от сотрудничества с ними магистратов, плебейских трибунов, сената и других акторов, уполномоченных действовать в сфере *domi*. При этом источники не сообщают имена тех магистратов, которые, подчиняясь неформальному лидерству промагистратов, обеспечивали им условия для выступления в гражданских *contiones* и сенате. Это показывает восприятие античными авторами неформальной стороны политического процесса как относительно более значимой для данных типов ситуаций.

18. В источниках не обнаруживается надежных случаев, когда промагистрат напрямую нарушил бы такие формальные ограничения, как запрет на пересечение городской границы Рима и отсутствие возможности самому официально созывать сенат, комиции и гражданские *contiones*. Критика одного промагистрата другим избегала прямых упреков в нарушении формальных ограничений власти промагистрата, но открыто подчеркивала узурпацию оппонентом контроля над неформальной инициативой, включая обвинения в применении манипуляций и угроз, нарушавших достоинство и свободу действий уполномоченных акторов сферы *domi*.

19. Параллельно развитию практики оказания промагистратами неформального влияния на сферу *domi* происходил процесс легализации отдельных поручений некоторым промагистратам в этой сфере, включая проведение собраний граждан с целью организации *cura annonae*, обеспечение безопасности города Рима, осуществление судебных полномочий вместо магистратов в городе.

20. По истечении магистратских полномочий триумвиры *rei publicae constituendae* оказались формально на положении проконсулов, однако регулярно вмешивались в сферу *domi*, что отразилось не только в нарративных, но и в эпиграфических текстах. После завершения триумvirата г.р.с. *ipso iure* к началу 32 г. действия Октавиана демонстрируют способность проконсула замещать консулов, в том числе, в их роли председателей сената. Античные авторы, описывая ключевое заседание сената в начале года, подчеркивают контроль Октавиана над неформальной инициативой при помощи деталей, которые традиционно связывались с обладанием магистратским положением (место председателя, приоритет в озвучивании мнения, контроль над предоставлением слова, анонсирование повестки следующего собрания и др.), а также дополнительных элементов, которые в нарративах о ранней Империи будут тесно сопряжены с описаниями фигуры принцепса (вооруженная охрана).

21. Описание в источниках неформальной политической инициативы некоторых носителей переходных статусов между *privati* и *magistratus* выступало в качестве альтернативного способа характеристики политической ситуации наряду с описанием распределения формальных *honores* и *potestates*. Чем более подчеркнуто античными авторами значение неформальной инициативы, тем менее они склонны отмечать важность распределения магистратур, и наоборот.

22. Ранний Принципат являлся системой, в рамках которой поменялась относительная значимость двух способов описания политической ситуации в источниках. Если для нарративов об эпохе Республики характерно превалирование указаний на распределение *honores* и *potestates* (с важными, но относительно редкими исключениями), то Принципат нормализовал обратную ситуацию, при которой любой магистрат, наоборот, был, как правило, лишен реальной политической инициативы, так как она контролировалась принцепсом, чаще остававшимся на положении (в республиканском смысле) *privatus*.

23. В I в. до н.э. происходил процесс выработки римской *civitas* гибкого оперативного внеправового механизма реагирования на ситуации, в которых политическое лидерство, выраженное в формальном распределении *honores* и *potestates*, оказывалось неэффективным или признавалось угрожающим стабильности Республики. Успешные политики из числа магистратов-десигнатов и промагистратов могли, опираясь на свой особый статус, в отдельных случаях компенсировать неспособность действующих магистратов осуществлять руководство римской гражданской общиной. Соответственно, действующие магистраты, поведение которых воспринималось

как угрожавшее Республике, могли быть «нейтрализованы» без формального лишения должности или умаления достоинства занимаемой ими магистратуры.

24. Неформальная политическая инициатива явилась «компенсаторным» механизмом, необходимым для предотвращения катастрофического сценария потери доверия граждан к политическому классу в целом, а также для сглаживания остроты конфликтов внутри последнего, т.е. она играла роль стабилизирующего фактора. В эпоху Республики этот механизм на практике лишь дополнял существующую систему распределения формальных полномочий. Однако в дальнейшем он стал регулярным и был положен в основание режима раннего Принципата: уже не как средство *ad hoc* компенсации недостатков республиканской конституции, а как способ перманентного обхода ограничений, которые система республиканских магистратур накладывала на принципса.

Источниковую базу исследования составляет, прежде всего, античная нарративная традиция, а во вторую очередь – эпиграфические источники. Эпизодически также применяются данные нумизматики и папирологии.

Наибольшее значение для рассматриваемой темы имеют свидетельства Цицерона, Тита Ливия, Плутарха, Аппиана и Кассия Диона. Цицерон сообщает о судебном преследовании магистратов-десигнатов, о том, как мог выглядеть процесс разработки претором-десигнатом будущего *edictum perpetuum*, дает возможность ясно увидеть, что магистраты-десигнаты являлись именно *privati*, причем успех их действий определялся *auctoritas*, а не наличием каких-либо магистратских полномочий. При изучении случаев отстранения магистратов от должностных обязанностей сочинения Цицерона часто играют роль важных вспомогательных источников. Особый интерес представляют (и наибольшее доверие вызывают) те замечания Цицерона, которые он делает «вскользь», отражая, тем самым, взгляды, принимаемые римлянами как само собой разумеющиеся, например, по поводу неприемлемости вмешательства промагистратов в сферу *domi*. Всегда особенно информативны те тексты, в которых Цицерон описывает с формально-правовой точки зрения примерно одну и ту же ситуацию, но по политическим мотивам по-разному оценивает ее.

Исторический труд Тита Ливия предоставляет сведения, позволяющие в некоторых случаях уловить те тенденции предшествующих эпох, которые к I в. до н.э. привели к ситуации, при которой политическая роль магистратов-десигнатов, случаи отстранения от должностных обязанностей и эпизоды вмешательства промагистратов в сферу *domi* становятся заметными в источниках. Широкий хронологический охват сохранившихся частей сочинения Ливия содержит сведения для проверки гипотез, которые на материале поздней Республики либо не удастся оценить, либо возможности такой оценки оказываются крайне ограниченными. Сведения Ливия важны для изучения вопроса о распространенности практики абrogации на большом хронологическом отрезке, а также для уточнения обстоятельств, при описании которых могла употребляться терминология (например, *abrogatio, in ordinem cogi*), характерная и для сообщений о спорных случаях отстранения магистратов в период поздней Республики, находящийся в центре внимания в данной диссертации. Текст Ливия имеет решающее значение при проверке тезиса о том, что промагистраты формально относились к числу *privati*. Наконец, в некоторых случаях Ливий отражает позднейшие реалии, дополняя, таким образом, довольно скудный набор сведений, который имеется даже для I в.

Труды Аппиана Александрийского незаменимы при изучении случаев отстранения магистратов от должностных обязанностей и рассмотрении политической роли промагистратов в эпоху поздней Республики. Уже ввиду хорошей сохранности его трудов Аппиан нередко дает наиболее полное описание событий, позволяя выстроить их непротиворечивую реконструкцию. При этом изложение Аппиана строится, во многом, вокруг обширных речей, которые он вкладывает в уста своих персонажей. Безусловно, эта (весьма существенная и богатая на детали) часть его повествования должна подвергаться особой проверке.

Сведения Плутарха Херонейского представляют собой богатый источник биографической информации о крупных фигурах римской истории. Его труды наиболее информативны при рассмотрении случаев отстранения магистратов от должностных обязанностей и, в особенности, деятельности Гн. Помпея в качестве проконсула. Многие показания Плутарха по поводу этих сюжетов становятся поводом для исследовательской дискуссии. Как и в случае сочинений других греческих авторов, словоупотребление Плутарха может, с одной стороны, не вполне точно отражать латинскую терминологию, а с другой стороны, служить в качестве важнейшего ее пояснения, как для греческих читателей Плутарха, так и для современных историков. Стоявшая перед Плутархом задача предоставлять греческому читателю эпохи Империи комментарий по поводу римских реалий периода Республики – важный момент, определяющий значимость его труда.

Труд Кассия Диона вызвал огромный интерес в историографии последних десятилетий, в том числе отечественной. Критические оценки его сочинения, звучавшие ранее, оказываются теперь частично пересмотренными. Для рассматриваемой темы особенно важен вопрос о точности передачи Дионом последовательности некоторых событий, а также деталей республиканских политических процедур. Дион отличается продуманным употреблением терминологии, вполне отражающей республиканские реалии, и, как и ряд других греческих авторов, дает ценный комментарий по поводу ситуаций и процедур, которые не требовали пояснений в сочинениях римских авторов. При этом уникальная информация или особый подход Диона стимулируют исследовательскую дискуссию, в рамках которой невозможно ограничиться простым выводом о «надежности» или «ненадежности» его сведений.

Значительный объем сведений о переходных статусах между *privati* и *magistratus* разбросаны в трудах других древних авторов, включая Г. Юлия Цезаря, Г. Саллюстия Криспа, Веллея Патеркула, Валерия Максима, Г. Светония Транквилла и др. Вспомогательное значение приобретают краткие сведения других римских и греческих авторов, в том числе Т. Макция Плавта, словоупотребление которого позволяет судить о распространенности противопоставления *privatus/magistratus* (и аналогов) в самых ранних образцах латинской литературы. Наконец, сочинения римских юристов, особенно сохранившиеся в составе «Дигест», дают возможность, например, уточнить вопрос о наличии судебного иммунитета у магистратов-десигнатов.

Эпиграфические памятники, включая сохранившиеся тексты законов республиканской эпохи и списки магистратов, созданные в конце изучаемого периода, позволяют, прежде всего, определить публично-правовое положение граждан переходных статусов. Точность терминологии эпиграфических текстов проявляется, например, в том, что для них (например, для надписей на милевых столбах) не характерно употребление термина *quaestor* как замены для *pro quaestore*, что наблюдается в литературных источниках. В эпиграфических законах магистраты и промагистраты по-

следовательно противопоставляются терминологически. В целом эпиграфические свидетельства дополняют картину распределения реальных политических ролей, которую лучше отражают античные авторы, более точным пониманием публично-правовой ситуации: последнюю надежнее передают надписи официального характера.

Значение нумизматики и текстов, сохранившихся на папирусах, оказывается – с точки зрения поставленной проблемы – второстепенным. Так, важный сам по себе факт упоминания итерации триумvirата на монетах Октавиана и М. Эмилия Лепида после 37 г. и отсутствия указания на такую итерацию на монетах М. Антония не может служить самостоятельным доводом в дискуссии о сроке истечения власти триумvirов. В то же время легенда LEGES ET IVRA P. R. RESTITVIT на аурее 28 г. до н.э. имеет принципиальное значение, так как позволяет проверить аргументацию исследователей, полагающих, что Октавиан отказался от власти триумvира лишь в 27 г. Также оказывается возможным установить, что тезис о продолжении триумvirата после истечения второго пятилетнего срока создает при его приложении к нумизматическим свидетельствам такие же логические противоречия, как и при анализе нарративной традиции, то есть не зависит от вида рассматриваемых источников.

Степень разработанности темы. При характеристике историографии проблемы необходимо отметить, что в мировой исследовательской литературе отсутствуют работы, в которых роль магистратов-десигнатов, регулирование и практика отстранения магистратов от должности или исполнения обязанностей, и, наконец, деятельность промагистратов в сфере *domi*, рассматривались бы как составляющие одного феномена для формулировки на основе их совместного изучения наблюдений более общего порядка. Это один из факторов, определяющих актуальность предложенного исследовательского ракурса.

В историографии XIX в. публично-правовое положение магистратов-десигнатов комментировалось в обобщающих исследованиях системы римского государственного права, включая работы Л. Ланге, Т. Моммзена, П. Виллемса, Й. Мадвига, В.А. Беккера, О. Карловы, Э. фон Херцога и др. При этом уделялось внимание проблеме судебного иммунитета десигнатов, наличию или отсутствию у них отдельных полномочий магистратов, но политическая роль *designati* как таковая практически не комментировалась. В 1960 – нач. 1970 гг. имела место плодотворная дискуссия между Д.Р. Шэклтоном Бейли и Э. Уейнрибом по вопросу о наличии у десигнатов иммунитета от судебного преследования подобно иммунитету, которым обладали действующие магистраты⁸. В дальнейшем исследователи лишь эпизодически обращались к изучению положения и политического влияния магистратов-десигнатов. Лишь в последние годы вопрос о политической роли магистратов-десигнатов как таковых был подвергнут специальному анализу. Ф. Пина Поло собрал и тщательно проанализировал богатый материал о консулах-десигнатах, однако непротиворечивую картину интерпретации их публично-правового положения, а значит, неизбежно, и их неформального политического значения, предложить, как пред-

⁸ Shackleton Bailey D.R. *Cicero's Letters to Atticus*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. P. 212; Weinrib E.J. *The Prosecution of Roman Magistrates* // Phoenix. 1968. Vol. 22. P. 32–56; Shackleton Bailey D.R. *The Prosecution of Roman Magistrates-Elect* // Phoenix. 1970. Vol. 24. P. 162–165; Weinrib E.J. *The Prosecution of Magistrates-Designate* // Phoenix. 1971. Vol. 25. P. 145–150.

ставляется, не смог⁹. Тем не менее, заслуга Ф. Пина Поло состоит в реконструкции впервые в мировой историографии общих тенденций и динамики изменения политической активности десигнатов в эпоху Республики. Благодаря этому он смог сделать важное наблюдение о том, что формально-правовое положение в ряде случаев не отражало реальную роль отдельных консулов-десигнатов. Особенно убедительным представляется анализ Ф. Пина Поло роли десигнатов в сенате, хотя именно этот аспект выходит за рамки настоящей диссертации.

Позднейшие исследования добавили немного к рассматриваемой проблематике. Например, Т. Ланфранки никак не комментирует ключевые (весьма проблематичные) свидетельства, которые, на его взгляд, говорят о наличии у десигнатов *ius edicendi*¹⁰. К. Розильо-Лопес в недавней работе отвергает предложенный мной тезис об отсутствии у десигнатов *ius edicendi*, но не приводит никаких дополнительных аргументов, ограничиваясь ссылкой на статью Ф. Пина Поло, доводы которого к моменту выхода ее монографии уже были мною подробно прокомментированы и поставлены под сомнение¹¹. В то же время, компактный, но важный комментарий по вопросу о публично-правовом статусе десигнатов дал в отечественной историографии А.М. Сморгчов¹².

В целом, изучение магистратов-десигнатов остается скорее маргинальным направлением в историографии политической истории и политической культуры Римской республики. Потенциал, заложенный в исследовании ситуации перехода от положения *privatus* к положению *magistratus*, для изучения фундаментальных основ римской правовой и политической культуры, остается недооценен.

Для того, чтобы подойти к вопросу об отстранении магистратов от должностных обязанностей без потери должности, необходимо сначала рассмотреть механизмы лишения магистратуры как таковой. В отличие от ряда других сюжетов, затрагиваемых в данной диссертации, вопрос об *abdicatio* (формально добровольный отказ от власти) и *abrogatio* (лишение должности) весьма популярен в мировой и отечественной историографии. Так, Т. Моммзен (ему следовали многие антиковеды, включая У. Коли, В. Кункеля и в последнее время А.М. Сморгчова) подчеркивал, что даже принудительная абдикация совершалась формально по решению самого магистрата¹³. В то же время, взгляд на принудительную абдикацию (*coactus abdicare*) как на полный аналог аброгации был предложен Р. Бауманом¹⁴.

⁹ Pina Polo F. The Political Role of the *consules designati* at Rome // *Historia*. 2013. Bd. 62. P. 420–452.

¹⁰ Lanfranchi T. Edicts and Decrees during the Republic: A Reappraisal // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung*. 2019. Bd. 136. S. 54, 59–60.

¹¹ Rosillo-López C. *Political Conversations in Late Republican Rome*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2022. P. 209.

¹² Сморгчов А.М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012. С. 85–86.

¹³ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I. 3. Aufl. Leipzig: S. Hirzel, 1887. S. 626–628; Coli U. *Sui limiti di durata delle magistrature romane* // *Studi in onore di Vincenzo Arangio-Ruiz nel XLV anno del suo insegnamento* / Ed. A. Berger. Vol. IV. Napoli, 1953. P. 402–403; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik*. München: C.H. Beck, 1995. S. 254–255; Сморгчов А.М. Религия и власть... С. 251–254.

¹⁴ Bauman R.A. The Abrogation of *imperium*: Some Cases and a Principle // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1968. Vol. 111. P. 42–43.

В отличие от дискуссий по поводу *abdicatio*, в случае с *abrogatio* на первый план в историографии выступает вопрос не о публично-правовом содержании понятия, а о конкретных случаях применения данного механизма в эпоху Республики. При этом систематического исследования всей совокупности спорных случаев проведено еще не было, хотя по поводу отдельных сложных эпизодов были высказаны важные замечания¹⁵.

Даже богатая терминология для обозначения временного отстранения от должностных обязанностей (прежде всего *in ordinem cogi* и *a(b) re publica remove/resummove*) в историографии практически не комментируется. Важное исключение составляют статьи Г. Добеша и Х. Клофта, рассматривающих лишение должности плебейских трибунов 44 г.¹⁶, и особенно, специальная работа Х. Клофта об отстранении от должности в Римской республике¹⁷. Его вывод о том, что практика *abrogatio* постепенно расширялась, в целом верен, но он сильно переоценивает динамику этого процесса. Кроме того, нельзя согласиться с Х. Клофтом в том, что аброгацию мог совершать сенат¹⁸. Так или иначе, даже в упомянутых работах речь идет в гораздо большей степени о практике лишения должности, чем о временном отстранении от должностных обязанностей. Таким образом, проблема временного отстранения от должностных обязанностей остается практически не артикулированной в мировой историографии. Следовательно, отсутствуют попытки выделить соответствующие случаи (проверить, имели ли они место), тем более, обобщить информацию о них.

Римская промагистратура становилась объектом изучения в ходе многочисленных исследований римской провинциальной системы, иерархии наместников, территориальной экспансии Рима. В историографии подробно рассматривалось возникновение и развитие практики пророгации империя (Т.Ф. Карни, В. Яшемская, Р. Девелин, Х. Клофт, И. Бути, Ф. Верват, М. Тарпен, Ф. Юрле, А. Диас Фернандес, Д. Рафферти и др.¹⁹). Хотя еще в обобщающих трудах XIX в. по истории римского государ-

¹⁵ См., напр.: Bauman R.A. *The Abrogation of imperium....*; Feig Vishnia R. *State, Society and Popular Leaders in Mid-Republican Rome, 241–167 BC*. London; New York: Routledge, 1996. P. 83–84; Licandro O. *In magistratu damnari. Ricerche sulla responsabilità dei magistrati romani durante l'esercizio delle funzioni*. Torino: Giappichelli, 1999. P. 390–395.

¹⁶ Dobesch G. *Zu Caesars Rede gegen C. Epidius Marullus und L. Caesetius Flavus // Antidosis: Festschrift für Walther Kraus zum 70. Geburtstag / Hrsg. R. Hanslik, A. Lesky, H. Schwabl*. Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1972. S. 78–92; Kloft H. *Caesar und die Amtsentsetzung der Volkstribunen im Jahre 44. v. Chr. // Historia*. 1980. Bd. 29. S. 315–334.

¹⁷ Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug in der römischen Republik // Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins*. 1977/78. Bd. 84/85. S. 161–180.

¹⁸ Kloft H. *Bemerkungen zum Amtsentzug... S. 169, 179–180*.

¹⁹ См., напр.: Carney T.F. *The Promagistracy at Rome 121–81 B.C. // Acta Classica*. 1959. Vol. 2. P. 72–77; Jashemski W.F. *The Origins and History of the Proconsular and Proprætorian Imperium to 27 B.C. Rome: L'Erma di Bretschneider*, 1966; Develin R. *Prorogation of imperium before the Hannibalic War // Latomus*. 1975. Vol. 34. P. 716–722; Kloft H. *Prorogation und außerordentliche Imperien, 326–81 v. Chr. Untersuchungen zur Verfassung der römischen Republik*. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1977. 123 S.; Buti I. *Appunti in tema di «prorogatio imperii», I. Scansioni temporali delle magistrature // Index: Quaderni camerti di studi romanistici*. 1991. Vol. 19. P. 245–267 (и другие работы исследователя); Vervaet F.J. *The Praetorian Proconsuls of the Roman Republic (211–52 BCE). A Constitutional Survey // Chiron*. 2012. Bd. 42. P. 45–96; Tarpin M. *Imperium, Promagistrats et triomphe au Ier siècle av. J.-C.: quelques affaires // Cahiers du Centre Gustave*

ственного права промагистратура оказывалась неотъемлемым элементом описания системы римских магистратур, позднее антиковеды (в частности, Ф. Дрогула и А. Джованнини) отмечали трудности, которые возникают при попытке уточнить публично-правовое регулирование этого института²⁰.

В историографии наблюдается консенсус по поводу того, что промагистраты, конечно, не относились к категории *magistratus*. Однако исследователи (среди которых Т. Моммзен, а позднее Р. Девелин, Э. Бадян, К. Бреннан, П. Тонеманн) отмечали, что некоторые источники, особенно греческие, не всегда строго различали магистратов и промагистратов терминологически²¹.

Спорным является вопрос о том, нужно ли всех промагистратов или их отдельные категории считать *privati*. Без аргументации утверждение о том, что носители империя, даже не будучи магистратами, не могли принадлежать к числу *privati*, можно часто увидеть и в отечественной, и в зарубежной историографии, а обосновать этот тезис попытался В. Блэзель²². С его точки зрения промагистраты, не будучи *privati*, не оказывались и в числе *magistratus*, а составляли особую группу лиц, «*qui imperium habent*»²³. Такое определение весьма проблематично, поскольку ограничивает круг промагистратов только теми, кто был наделен империем. Возникает вопрос о том, всегда ли империем были наделены, например, проквесторы²⁴. Если не всегда, то схема В. Блэзеля становится невозможной.

В то же время, доводы В. Блэзеля и некоторых других исследователей, сомневавшихся в том, что всех промагистратов, включая даже экс-магистратов с пророгированным империем, римляне относили к категории *privati*, понятны. Определение столь могущественных должностных лиц как *privati* противоречит современному опыту, но лишь до тех пор, пока за аксиому принимается мысль о том, что римская категория *privatus* идентична современному понятию «частное лицо». В то же время довольно значительное число случаев прямого противопоставления промагистратов и *privati* в античной нарративной традиции пока не получило удовлетворительного объяснения в историографии.

Проблемы уточнения публично-правового положения промагистратов важны, но составляют только основу, необходимую для дальнейшего анализа их непосред-

Glötz. 2015. Vol. 26. P. 261–288; Díaz Fernández A. *Provincia et imperium*. El mando provincial en la República romana (227–44 a.C.). Sevilla: Universidad de Sevilla, 2015. P. 70–80; Rafferty D. *Provincial Allocations in Rome 123–52 BCE*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2019. 243 p.

²⁰ Drogula F.K. *Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2015. P. 349; Giovannini A. *Consulare imperium*. Basel: Friedrich Reinhardt Verlag, 1983. P. 41.

²¹ Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. 3. Aufl. Leipzig: S. Hirzel, 1887. S. 240–241 (ср.: Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I... S. 638); Develin R. C. Aurelius Cotta “*praetor iterum*” // *Historia*. 1978. Bd. 27. S. 231; Badian E. The Silence of Norbanus // *The American Journal of Philology*. 1983. Vol. 104. P. 156–171; Brennan T.C. *The Praetorship in the Roman Republic*. Vol. I–II. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 73; Thonemann P.J. The Date of Lucullus’ Quaestorship // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2004. Bd. 149. S. 80–82.

²² Blösel W. *Imperia extraordinaria liberae rei publicae – Studien zur Demilitarisierung der römischen Nobilität*. Habilitationsschrift. Köln: Universität zu Köln, 2009. S. 44–45.

²³ Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 44.

²⁴ См.: Дементьева В.В. Квесторские provinciae за пределами Италии // *Вестник РГГУ*. 2011. № 14. С. 18–19; Дементьева В.В. Римский республиканский проквестор: определение понятия // *Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки*. 2014. № 4 (30). С. 5–10.

ственного, прямого, личного участия в политическом процессе в сфере *domi*. В историографии часто можно встретить констатацию вывода о том, что промагистраты формально не обладали властью в этой сфере (Л. Ланге, Э. Херцог, Т. Моммзен, Х. Клофт, А. Джованнини, В. Кункель, Ф. Дрогула и др.²⁵). Однако предметом отдельного рассмотрения еще не становился вопрос о том, могли ли промагистраты, и если да, то какими методами и с каким результатом, напрямую, лично (а не только на расстоянии) участвовать в политической жизни города Рима. Хотя, безусловно, в историографии накоплено значительное число важнейших частных наблюдений по этому поводу, они еще не были аккумулированы и осмыслены в рамках обобщающего анализа.

Примыкают к вопросу о промагистратах некоторые стороны изучения *triumviri rei publicae constituendae*. Во-первых, этих магистратов Й. Бляйкен по ряду причин сравнивал с промагистратами²⁶. Во-вторых, внимание к этим должностным лицам требуется особое, так как практику функционирования триумvirата г.р.с. можно рассматривать как связующее звено между Республикой и Принципатом. В-третьих, после истечения первого, а затем и второго пятилетнего срока триумvirата, согласно некоторым исследовательским реконструкциям (Х. Бенарио, К.М. Жирарде, Н.Г. Льюис²⁷), экс-триумвиры на какое-то время автоматически оказались на положении проконсулов, но при этом демонстрировали чрезвычайную активность в сфере *domi*. Однако данный взгляд – лишь один из возможных.

Рассмотрение триумvirата, особенно гипотезы о том, что после 33 г. экс-триумвиры действовали формально в качестве проконсулов, требует сначала изучения чрезвычайно обширной исследовательской литературы по вопросу о дате завершения самой магистратуры триумvirов г.р.с. Активная дискуссия по этой проблеме продолжается. Одной из последних крупных работ стала монография А. Цака, который удачно обобщает промежуточные итоги обсуждения²⁸.

Таким образом, актуальным и практически не изученным в историографии аспектом видится деятельность промагистратов в сфере *domi*. Главным образом этому вопросу посвящены гл. 4 и 5 диссертации.

В заключение обзора историографии следует кратко охарактеризовать ход изучения некоторых ключевых «сквозных» проблем, затрагивающих представленное диссертационное исследование, в том числе предлагаемую категорию граждан переходных статусов между *privati* и *magistratus*. В своей хабилитационной работе В. Блэ-

²⁵ Lange L. *Römische Alterthümer*. Bd. I. 3. Aufl. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1876. S. 743; Herzog E. *Geschichte und System der römischen Staatsverfassung*. Bd. 1. Leipzig: B.G. Teubner, 1884. S. 617; Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Bd. I... S. 15–16; Kloft H. *Prorogation...* S. 11, 61–62, 66–67; Giovannini A. *Consulare imperium...* P. 42–44; Kunkel W., Wittmann R. *Staatsordnung und Staatspraxis...* S. 17; Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 212.

²⁶ Bleicken J. *Zwischen Republik und Prinzipat: Zum Charakter des zweiten Triumvirats*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. S. 42.

²⁷ Benario H.W. *Octavian's Status in 32 B. C.* // *Chiron*. 1975. Bd. 5. S. 301–309; Girardet K.M. *Der Rechtsstatus Oktavians im Jahre 32 v. Chr.* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1990. Bd. 133. S. 322–350; Lewis N.G. *Rechtsfrage II: Octavian's Powers in 32 BC* // *Liverpool Classical Monthly*. 1991. Vol. 16. P. 57–62.

²⁸ Zack A. *Das Ende des Zweiten Triumvirates und die Amtsgewalt des Imperator Caesar Divi Filius (Octavianus) in der politischen Ordnung Roms (43–27 v. Chr.)*. Norderstedt: PubliQation, 2022. 114 S.

зель отмечает, что противопоставление *privatus/magistratus* представляет собой «распространенную со времен Моммзена концептуальную дихотомию»²⁹. Это утверждение может быть оспорено. Когда В. Блэзель отказывается дихотомии *privatus/magistratus* в том, чтобы считаться характерной для словоупотребления самих источников (во всяком случае, когда речь идет о промагистратах), он упоминает важнейшую статью А. Винтерлинга об этой дихотомии³⁰. А. Винтерлинг изучал дихотомию *privatus/publicus* (включая противопоставление *privatus/magistratus*) в основном через призму источников о раннем Принципате и утверждал, что эти понятия не следует рассматривать как «универсальные категории, не зависящие от наблюдателя». Они сами должны стать объектом исторического исследования и «интерпретироваться как исторические термины, связанные с конкретными социальными обстоятельствами». Такие термины, как *privatus* и *publicus*, – «не метаисторические категории, а редуцированные паттерны самоописания социума»³¹.

А. Винтерлинг указывает на одно из направлений рассуждений, актуальное для представленной диссертационной работы: «Переход от вопросов, (начинающихся со слова) “что”, к вопросам, (начинающимся со слова) “как”, а также различие социальной структуры и семантики, следовательно, удваивает историческую реальность: наука должна разрабатывать такое описание прошлого, которое включает в себя как самоописания, (характерные для обществ) прошлого, так и объяснения того, почему эти самоописания оказывались возможными»³².

Значительную часть настоящего исследования представляет анализ публично-правовой системы, ее развития и кризиса. А. Джованнини подчеркивал, что участники политической борьбы не могли позволить себе игнорировать «конституционные» нормы, поскольку они были важны с точки зрения общественного мнения. Нельзя объяснить поведение отдельных лиц и групп без учета конституционных принципов, которые ограничивали политические решения³³. Как отмечает У. Вальтер, даже в те моменты, когда насилие достигало пика, политические акторы Республики вновь и вновь апеллировали к праву и стремились укрепить свое положение при помощи законодательства и занятия должностей³⁴.

Как и в случае с применимостью таких современных понятий, как «легальность» и «легитимность», «конституция» и «институт», использование современными исследователями античных понятий, например, *imperium* и *potestas*, часто вызывает трудности. Например, в отличие от подхода, согласно которому существовали две разновидности империя – *domi* и *militiae*, Ф. Дрогула в последние годы обосновывал мнение о том, что *imperium domi* не существовал, а империй по определению был (и оставался, как утверждает исследователь) исключительно военной властью за пределами города Рима (*militiae*), в то время как *potestas* обозначала гражданскую власть магистратов³⁵. Однако мнение Ф. Дрогулы и других исследователей, формулировав-

²⁹ Blösel W. *Imperia extraordinaria...* S. 42.

³⁰ Winterling A. *Politics and Society in Imperial Rome*. Malden, MA; Oxford; Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. P. 58–76.

³¹ Winterling A. *Politics and Society...* P. 68, 75.

³² Winterling A. *Politics and Society...* P. 75.

³³ Giovannini A. *Consulare imperium...* P. 151.

³⁴ Walter U. *Politische Ordnung...* S. 90.

³⁵ Drogula F.K. *Imperium, potestas, and the pomerium in the Roman Republic // Historia*. 2007. Bd. 56. S. 419–452; Drogula F.K. *Commanders and Command...* P. 85–105. Ср., прежде всего:

ших схожую с ним позицию, об *imperium* и *potestas*, как показывает В.В. Дементьева, не лишено серьезных проблем и противоречий³⁶. В частности, возникает вопрос о том, как определить властные полномочия проквесторов, если сами квесторы не имели империя.

Дихотомия *domi/militiae* особенно важна, когда речь идет о промагистратах. Еще одним сложным понятием, важным для исследования промагистратуры, является *pomerium*. В недавней диссертации Д. Эммелиус оспорил традиционное понимание *pomerium* как «предсуществующей» политической и религиозной границы, которая служила внешним фактором, ограничивающим возможности различных субъектов политического процесса. Вместо этого Д. Эммелиус предлагает анализ исторического процесса постоянного пересмотра этого концепта³⁷.

В отличие от ситуации с терминами *imperium*, *potestas* или *pomerium*, в некоторых случаях затруднительно оперировать какими-либо уже предложенными ранее исследовательскими интерпретациями. Так, например, возникает необходимость дать новую общую оценку тезиса о предполагаемых квази-магистратских правах *magistratus designati*, феномена отстранения от власти, в том числе посредством *abrogatio*, значения терминологии для обозначения промагистратов в соотношении с магистратами, наполнения термина *auctoritas* и др.

Из числа современных исследовательских категорий особое значение в настоящей работе приобретает понятие «политическая инициатива». Как отмечает Дж. Бёрнс в одной из общих работ о «трансформационном» (*transformational*) и других типах политического лидерства, инициативу можно рассматривать как важнейший аспект лидерства и в самом общем виде определить как способность самостоятельно начинать политическое действие, а не просто реагировать на уже начатый другим актором процесс. Будет ли функция инициатора политического действия «единственной ролью, уникальной ролью, лидера», зависит от конкретной ситуации, но эта функция присутствует всегда³⁸.

В качестве необходимой составляющей феномена инициативы во всех дискурсах, так или иначе, выступает способность субъекта начинать действие самостоятельно. Так, определение «начала» действия в самом широком философском понимании, как известно, играло важную роль в работах Х. Арндт³⁹. Опираясь на древнегреческий материал, Х. Арндт, впрочем, никогда не применяла свою концепцию к римской политической истории.

Х. Моритсен, который неоднократно использует термин «инициатива» для

Heuss A. Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten // *Gesammelte Schriften*. Bd. 2. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1995. S. 831–907; Bleicken J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt, *auspicium – potestas – imperium* // *Gesammelte Schriften*. Bd. I / Eds. F. Goldmann, M. Merl, M. Sehlmeier, U. Walter. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. S. 335.

³⁶ Дементьева В.В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия *imperium* // *Вестник древней истории*. 2005. № 4 (254). С. 46–75.

³⁷ Emmelius D. Grenzen schreiben. Das *Pomerium* und die Konstitution von Stadtgrenzen im antiken Rom. Diss. Bielefeld: Universität Bielefeld, 2019. 332 S. (особенно S. 14–16); Emmelius D. Das *Pomerium*. Geschriebene Grenze des antiken Rom. Göttingen: Verlag Antike, 2021. 411 S. (особенно S. 21–26).

³⁸ Burns J.M. *Transforming Leadership...* P. 172.

³⁹ Arendt H. *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press, 1958. P. 178, 189–192; Arendt H. *What is Freedom?* // Arendt H. *Past and Future*. New York: Viking Press, 1968. P. 165–171.

описания функционирования римской республиканской системы, отмечает, что народные собрания «полностью контролировались своими лидерами и не допускали никакой независимой инициативы»⁴⁰, поскольку предложения не могли исходить от самих собраний⁴¹. Х. Моритсен подчеркивает «пассивную роль» собраний и отсутствие «активного соучастия» с их стороны⁴². Перечисление примеров подобных исследовательских оценок можно легко продолжить. Такая точка зрения во многом обусловлена сведением политической инициативы только к формальной, особенно законодательной, инициативе, за одним исключением в виде особой роли сената. Обобщающие исследования римской конституции и политической культуры, конечно, показывают, какие именно полномочия и закрепленные политической традицией практики позволяли должностному лицу инициировать те или иные действия⁴³. Однако использование слова «инициатива» и сходных понятий, хотя и оказывается уместным во многих конкретных случаях, остается изолированным, бессистемным и требует дальнейшего обсуждения.

Определенной вехой в расширении исследовательского внимания к вопросу о политической инициативе в античном Риме стало проведение в 2019 г. в г. Билефельде международной конференции «Taking the Lead in Late Republican and Early Imperial Rome: Office, Agency, and Initiative», специально посвященной данному вопросу. Рассмотрение различных переходных позиций между *privati* и *magistratus* можно рассматривать как продолжение этой линии в историографии.

Таким образом, в исследовательской литературе накоплен значительный пласт наблюдений по целому ряду частных вопросов, затрагиваемых в представленной диссертации. Имеется возможность опереться не только на конкретно-исторические наблюдения предшественников, но и на обобщающие теоретические построения, такие как концепция А. Винтерлинга по вопросу об употреблении дихотомии *privatus/publicus* античными авторами эпохи Республики и Империи. При этом очевидна дискуссионность многих предложенных трактовок. Это создает солидную основу для рассмотрения вопроса о переходных статусах между *privati* и *magistratus*. В то же время, сам вопрос о них ранее еще не формулировался в историографии. Более того, два из трех основных блоков, рассматриваемых в диссертации (отстранение магистратов от исполнения должностных обязанностей и прямое вмешательство промагистратов в сферу *domi*), и по отдельности не становились предметом специальных исследований, а третий блок (политическая роль магистратов-десигнатов) лишь относительно недавно впервые стал объектом специального интереса антиковедов.

⁴⁰ Mouritsen H. *Politics in the Roman Republic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 34.

⁴¹ Mouritsen H. *Politics...* P. 16. Эта линия рассуждений часто приводилась и ранее, см., напр.: Vanderbroeck P.J.J. *Popular Leadership and Collective Behavior in the Late Roman Republic (ca. 80–50 B.C.)*. Amsterdam: Gieben, 1987. P. 128; North J.A. *The Constitution of the Roman Republic // A Companion to the Roman Republic / Eds. N. Rosenstein, R. Morstein-Marx*. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 266.

⁴² Mouritsen H. *Politics...* P. 17.

⁴³ См., напр.: Lintott A. *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 297 p.; Mouritsen H. *Politics...*; Walter U. *Politische Ordnung...* Также ср.: Hölkeskamp K.-J. *Die Entstehung der Nobilität: Studien zur sozialen und politischen Geschichte der Römischen Republik im 4. Jh. v. Chr.* 2. Aufl. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011. 344 S.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования и дальнейшего критического развития разработанной в ее рамках методологии и методики изучения иных ситуаций, в которых публично-правовой статус и неформальное политическое влияние составляли сложноразделимое единство. Такого рода сочетание можно обнаружить как в другие периоды истории самого античного Рима, так и в истории иных стадияльно близких политических сообществ. Представляется, что сделанные выводы, сформулированные вопросы и выявленные затруднения, с которыми пришлось столкнуться в ходе проведенного исследования, могут оказаться важными при проведении сравнительных исследований по истории политических культур доиндустриальных обществ, а также дать «пищу» для размышлений по поводу современных политических систем.

Конкретные выводы диссертации могут оказаться полезными при изучении системы римских магистратур, массовых политических собраний, взаимоотношений политического класса и рядовых граждан, а также целого ряда прочих сюжетов, включая, конечно, проблему перехода от Республики к Империи, к переосмыслению которой общие выводы диссертации приводят непосредственно.

Полученные результаты могут найти применение при разработке не только курсов по истории и праву античного Рима, но и политологических, социологических дисциплин, оперирующих конкретно-историческими выводами. Некоторые наблюдения о специфике неформальной инициативы в политической практике республиканского Рима через призму анализа переходных статусов между *privati* и *magistratus* могут послужить одним из источников более глубокой разработки этой проблемы в современных социологии и политологии, которые пока, насколько можно судить, не демонстрируют устойчивого специального внимания к данной проблематике, ввиду чего историкам, изучающим феномен политической инициативы, приходится действовать во многом самостоятельно.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры всеобщей истории исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Результаты разработки проблем, рассматриваемых в диссертационном исследовании, были представлены в докладах на всероссийских и международных конференциях, а также в выступлениях на научных коллоквиумах, включая следующие: Международный научный коллоквиум «Politics and res publica: Strategy and Ideology in Republican Rome» (Университетский колледж Лондона, 2014 г.); XIX, XX Международные и XXII, XXIII Всероссийские Сергеевские чтения (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015, 2017, 2023, 2025 гг.); Международная конференция «Individuals in Communities» (Лондон, Институт классических исследований, 2015 г.); IX Международная кельтская конференция по антиковедению (Университетский колледж Дублина, 2016 г.); XLV Ежегодная конференция Израильского общества содействия классическим исследованиям (Рамат-Ган, Университет имени Бар-Илана, 2016 г.); Всероссийская научная конференция «Scholia studiorum: пространство исторического нарратива» (Екатеринбург, УрФУ им. Б.Н. Ельцина, 2016 г.); Ежегодная конференция Британской Ассоциации классических исследований (Университет Кента, 2017 г.; Университет Суонси, 2022 г.; Университет Сэнт-Эндрюс, 2025 г.); Международная конференция «Linguistic Representations of Identity in Rhetoric Ancient and Modern» (Краков, Ягеллонский университет, 2017 г.); XIV Международная конференция по городской истории (Третий университет Рима, 2018 г.); Конференция Российской ассоциации антиковедов с международным участием

«Древние цивилизации: социум и человек» (Ярославль, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2018 г.); Международная конференция «Taking the Lead in Late Republican and Early Imperial Rome: Office, Agency, and Initiative» (Университет Билефельда, 2019 г.; конференция организована диссертантом совместно с К. Бёрден-Стревенсом); Международная конференция «Spaces of Roman Constitutionalism» (Университет Хельсинки, 2019 г.), Международный научный онлайн-коллоквиум «New Work on the Roman Republic» (Университет Ньюкасла / Университет Турино, 2021 г.); XVI Международный Конгресс Международной федерации ассоциаций классических исследований (ФИЕС) (Мехико, Национальный автономный университет Мексики, 2022 г.); XXXIV Международная конференция Классической Ассоциации Южной Африки (Университет Кейптауна, 2023 г.); XXIV Всероссийская научная сессия византистов: римское наследие и судьбы византийской цивилизации (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025 г.); научные коллоквиумы по древней истории (Центр антиковедения ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2014, 2015, 2016 гг.; Университет Бремена, 2015 г.; Берлинский университет имени Гумбольдта, 2018 г.; Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, 2018 г.; Университет Сарагосы, 2018 г.; Университет Йены, 2019 г.; Университет Ньюкасла, 2019 г.; Университет Глазго, 2015, 2019 гг.; Университет Кента, 2019 г.; Университет Билефельда, 2019 г.).

Результаты, полученные в диссертации, отражены в публикациях автора – в четырех главах трех коллективных монографий с общим объемом авторской части 6,5 п.л. и в 32 публикациях общим объемом 36,9 п.л., в том числе в 16 статьях объемом 16 п.л., опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

II. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, определены цель и задачи исследования, его объект и предмет, хронологические и географические рамки, теоретико-методологическая основа, конкретные методы исследования, положения, выносимые на защиту, представлен обзор использованных источников, показана степень изученности темы, обозначена научная новизна и апробация работы.

Глава первая «Privati как самостоятельные субъекты политики в Римской республике» состоит из трех параграфов. В §1 *«Значение самостоятельного политического действия: magistratus, privati и народные сходки»* исследуются эпизоды, в рамках которых политические сходки оказывались инициированы частными лицами, но при этом назывались contio, – термином, обычно применявшимся к собраниям, формально созываемым действующими магистратами. Не всякое немагистратское собрание обозначается или даже сопоставляется с официальной contio, а лишь те из них, которые по политической значимости и механизму функционирования были сравнимы (с точки зрения античного автора, сообщающего о них) с официальными собраниями. Это наблюдение имеет важное значение для анализа непосредственно переходных статусов между privati и magistratus. Если употребляется терминология, обычно относившаяся к магистратам (например, contionem habere или edictum mittere), это не обязательно означает наличие формальной претензии на власть. Однако античные источники в подобных случаях дают понять, что privatus действительно оказывался способен успешно воспроизвести конкретную магистратскую функцию, неформальную лидерскую роль и, в более широком смысле, саму способность к лидерству (ожидаемому обычно от магистрата), действуя как самостоятельный и независимый политический субъект.

Сделанные наблюдения привели к рассмотрению в §2 *«Когда Л. Юний Брут стал tribunus celerum? Условия политического лидерства privati»* вопроса о причинах, по которым подобная смена ролей становилась возможной и при этом привлекала внимание античных авторов, побуждая их использовать терминологию, которую они обычно применяли исключительно по отношению к magistratus, их полномочиям или инициированным ими собраниям. Случай Луция Брута особенно показателен, потому что античная традиция, очевидно, не располагала единой версией (не говоря уже о реальной информации) по поводу его официального статуса. Вследствие этого древние авторы всякий раз реконструировали его по-разному, что, в свою очередь, позволило выявить причины, по которым они предпочитали ту или иную интерпретацию формального положения Брута.

Статус Брута в понимании античных авторов не претерпел прямолинейной эволюции от privatus к tribunus celerum (вопреки распространенному в историографии мнению), но оставался подвижным и вариативным. Не существовало ни «первоначальной», ни «позднейшей» версии. Однако во всех дошедших до нас изложениях, независимо от того, как именно понимается положение Брута, он проявляет политическую инициативу и берет на себя руководство так, словно является должностным лицом. Представлен ли он в той или иной версии tribunus celerum или privatus, зависит не от самого факта публичного лидерства (он присутствует всегда), а от конкретных технических деталей того, каким образом Брут достигает цели. Для античных авторов обязательным условием самой возможности выступления privatus в качестве лидера является акцент на его роли оратора на contio (следует подчеркнуть употреб-

ление в этом случае именно этого термина без оговорок вида «будто» или «почти *comitia*»), но не председателя *comitia*.

Готовность античных авторов при определенных условиях оправдать политическую инициативу *privati* исторически может объясняться опасениями относительно возможных злоупотреблений властью со стороны отдельных должностных лиц. Классическим примером этой тенденции оказывается традиция о второй коллегии *decemviri legibus scribundis*, которая анализируется в §3 «*Оспариваемое лидерство: privati против privati pro decemviris в повествовании Тита Ливия*». Необходимость для Ливия передать историю утраты децемвирами неформального лидерства и способности инициировать осмысленные и успешные политические действия вынудила его представить децемвиров как законных магистратов, сохранявших признанную согражданами власть, даже после того как он сам ясно дал понять, что децемвиры формально уже утратили свою магистратуру и стали *privati*. Объяснение этого противоречия заключается в необходимости для античного автора подчеркнуть различие между легитимным и нелегитимным лидерством. При такой интерпретации текст Ливия можно считать противоречивым лишь в том случае, если мы полагаем, что его прежде всего интересует юридический спор о сроке полномочий децемвиров (а также о том, прекращались ли они *ipso iure* по истечении того или иного периода времени или сохранялись до завершения поставленной задачи). Однако если сместить фокус исследования и исходить из того, что Ливий повествует в большей степени о неформальном лидерстве и контроле над инициативой, противоречия разрешаются. Оказывается, что в представлении античной традиции максимальная степень нелегальности власти магистрата может совпадать с максимальной степенью его реального контроля над политической повесткой. В таких условиях альтернативный источник инициативы становится единственным способом, посредством которого гражданская община может политическими средствами преодолеть узурпацию власти. Исторически это обстоятельство, по-видимому, вынудило элиту в создаваемой ею картине римского прошлого в данном случае допустить и легитимировать активность *privati*, несмотря на все обычные опасения по поводу неконтролируемой политической активности (которые проявляются особенно в том, как римский политический класс относился к немагистратским собраниям).

Эти вводные наблюдения позволили перейти непосредственно к анализу политического лидерства носителей переходных статусов между *privati* и *magistratus* в Римской республике, начиная с магистратов-десигнатов, которые рассматриваются во второй главе «*Перед вступлением в должность: магистраты-десигнаты в политической жизни Римской республики*». В §1 «*Правовой статус и судебный иммунитет магистратов-десигнатов*» отмечается, что, формально оставаясь *privati*, *designati* обладали рядом прерогатив, внешне сближавших их с действующими магистратами. В то же время, гипотеза о том, что десигнаты могли председательствовать в *comitia* при необходимости второго тура консульских выборов, не находит опоры в античной традиции. Вопрос о наличии у *designati* иммунитета от преследования оказывается более сложным, однако несомненно, что магистраты-десигнаты могли быть привлечены к ответственности как в рамках гражданского судопроизводства, так и по уголовным процессам, причем не только по делам *de ambitu*. Отсутствие судебного иммунитета, который в случае действующих магистратов был следствием обладания империем, служит веским аргументом в пользу того, что десигнаты им пользоваться не могли и что он имелся у них только в неактивном, «спящем» виде. Отсюда стано-

вится менее вероятным наличие у десигнатов иных магистратских полномочий, особенно *ius edicendi*.

В §2 «Проблема *ius edicendi* и политическая инициатива *magistratus designati*» рассматриваются свидетельства, на которые опирается Ф. Пина Поло, обосновывая представление о том, что магистраты-десигнаты были уполномочены издавать эдикты подобно действующим должностным лицам. Подробное изучение вопроса о *ius edicendi* десигнатов позволило охарактеризовать особую политическую роль десигнатов, не сводимую к формальным атрибутам магистратского положения.

Случай Верреса 75 г. до н.э. показывает, что претор-десигнат мог инициировать тайное соглашение, предлагая включить определенные нормы в готовящийся *edictum perpetuum*. Цицерон подчеркивает способность Верреса-десигната к «изобретательному», «креативному» изменению обычной практики (хотя и в ущерб Республике) и принципиальную сопоставимость этих его действий по своим последствиям с теми, которые он затем осуществлял в статусе магистрата. Сведения о Кв. Метелле Целере как консуле-десигнате в 61 г. до н.э. дают пример эксплицитного сопоставления десигната и действующего магистрата. Консул формально обладал *potestas*, но не мог фактически ею воспользоваться (он допустил проведение игр в свое консульство), тогда как *designatus* добился успеха даже без *potestas* – благодаря силе одной лишь своей *auctoritas* (Cic. *Pis.* 8; Asc. 7C). Компиталийские игры должны были прийтись на начало января 60 г., когда Метелл уже стал бы действующим магистратом. Способность эффективно использовать момент объясняет, почему Цицерон говорит об *auctoritas* Метелла как об имеющем объективное значение и способным убедить даже политического противника.

Решение консулов-десигнатов Л. Корнелия Лентула Круса и Кв. Клавдия Марцелла в рамках подготовительных мероприятий против Цезаря доверить Помпею командование двумя легионами в Италии в 50 г. до н.э. представляет важный негативный пример для проверки сделанных наблюдений. В рассмотренной ситуации консулы-*designati* на практике следовали инициативе действующего консула Кв. Клавдия Марцелла или, еще точнее, самого проконсула Помпея. Этим объясняется, почему Кассий Дион подчеркивает, что консулы-десигнаты лишь «полагали», что имеют право формулировать *урацмата*, и, более того, так и не смогли реализовать свои планы. Уподобление действующему магистрату отсутствует потому, что консулы-десигнаты действовали, опираясь на инициативу иного лица и находясь в полной зависимости от чужого замысла.

Аналізу подвергается сообщение об издании Тиберием как консулом-десигнатом неких распоряжений (*урацмата*) в 8 г. н.э. Эта деталь появляется у Диона в контексте изложения иных мер, предпринятых Августом, но последние носят, напротив, подчеркнуто нереспубликанский характер. Следовательно, данный эпизод говорит значительно больше о политической ситуации конца правления Августа (и о позднейших оценках этой ситуации), чем информирует о роли магистратов-десигнатов в условиях *libera res publica*.

Сообщения античных авторов об *edictum et litterae* консула-десигната Г. Фламиния в 217 г. до н.э. позволяют надежно обосновать вывод о том, что *designati* не обладали правом издавать ни обязательные, ни т.н. «декларативные» эдикты либо эдикты с отложенным действием, так как приписываемый Фламинию «эдикт» на практике мог быть только распоряжением немедленного действия и, кроме того, должен был быть адресован действующим консулам. Однако вряд ли можно утверждать,

что десигнат издал распоряжение, имеющее обязательное действие для консулов. Данный пример тоже негативный, но уже в ином смысле: инициатива, оцениваемая отрицательно (как и в эпизоде с Верресом), все же в эпизоде с Фламинием подлинная, значительная. Это наблюдение объясняет, почему он уподобляется действующему консулу всерьез, а не в ироническом ключе.

В дополнительных эпизодах, проанализированных в §3 «*Магистраты-десигнаты как самостоятельные политические акторы*», очерченные тенденции также прослеживаются. Спектр возможных действий *designati*, которые могли бы привлечь внимание античных авторов, значительно шире, чем только случаи, в которых можно подозревать формальные эдикты. Так, сообщения о речах некоторых *designati* в *contiones* выявляют важную особенность: нередко они не содержат никаких сведений о предполагаемых официальных организаторах и председателях этих собраний. Причина этого в том, что античные авторы сосредотачиваются на содержании высказываний самих *designati*, так как именно они, а не союзные им магистраты и плебейские трибуны, проявляют реальную индивидуальную инициативу.

Ни для одного из рассмотренных в гл. 2 случаев нет оснований полагать, что магистраты-десигнаты опирались на какие-либо формальные прерогативы магистратов, чтобы стать политически заметными фигурами и серьезно влиять на принятие решений в Риме. Именно способность некоторых десигнатов не оставаться пассивными и находить новые, действенные и непредсказуемые стратегии в противостоянии с оппонентами побуждала античных авторов подчеркивать, что эти лица действовали «как если бы» они уже вступили в должность. Такое описание может создавать видимость, будто они уже обладали магистратскими полномочиями, включая *ius edicendi*. Как в случае с трибуном-десигнатом Помпеем Руфом в 53 г. до н.э. (и как можно наблюдать в традиции о Луции Бруте), даже публично-правовой статус того или иного актора мог быть определен в источниках ошибочно, и десигнат «превращен» в действующего магистрата, из-за его необычной, проактивной политической роли на неформальном уровне.

Проанализированные случаи показывают, что именно способность к независимой инициативе служила для античных авторов критерием, исходя из которого они решали, мог ли *designatus* быть уподоблен *magistratus*. Если инициатива отсутствовала или ее самостоятельность подвергалась сомнению, то даже значимые самостоятельные действия, внешне похожие на активность магистратов, не приводили к указанному уподоблению.

В третьей главе «Отстранение от должностных обязанностей в республиканском Риме» изучается следующая ситуация, в которой могла возникать фигура носителя переходного статуса между *privati* и *magistratus*: временное отстранение действующего магистрата от исполнения обязанностей. Спорность его положения была связана либо с нежеланием самого должностного лица признавать свое отстранение от власти, либо с использованием его противниками дополнительных средств для блокирования его полномочий, но без формального лишения самой должности. Если анализ в гл. 2 сосредоточен главным образом на тех примерах, в которых магистрат уподоблялся *magistratus*, потому что проявлял политическую инициативу, напоминавшую магистратскую, то гл. 3, напротив, в основном посвящена изучению того, каким образом недостаток неформальной инициативы влиял на описания в источниках тех лиц, которые технически оставались *magistratus*. Вместе с тем, рассмат-

ривались и обратные примеры, т.е. такие, в которых отстраненный магистрат оказывался в состоянии вернуть свое положение.

В §1 «*Досрочная потеря власти: *abdicare, abrogare, administratione rei publicae summovere, in ordinem cogere**» описываются три основных механизма досрочного прекращения исполнения функций магистрата: (1) вынужденная абдикация; (2) аброгация; (3) отстранение от должностных полномочий.

Попытку Р. Баумана поставить под сомнение идею Т. Моммзена о «несменяемости» (*Inamovibilität*) республиканских магистратов следует считать неубедительной. Аброгация по решению народа в эпоху Республики так и не стала стандартной практикой; наблюдаются лишь редчайшие исключения. Кроме аброгации трибуната М. Октавия в 133 г., до 49 г. надежно не засвидетельствован ни один случай реализованного лишения должности. Имеющиеся данные об общих принципах подтверждают данный вывод. Так, вопреки мнению Р. Баумана, М. Йене и некоторых других исследователей, *lex Cassia* 105 г. может подразумевать лишь практику лишения промагистратов империя, но не досрочного лишения магистратур.

Хотя употребление термина *abrogatio* не является необычным, в абсолютном большинстве случаев он указывает на лишение промагистрата империя, а не на прекращение собственно магистратуры. В ряде других примеров термин при более внимательном рассмотрении вообще не может означать прекращение должности и используется для указания на иные феномены (например, «аброгация» юрисдикции претора). Употребление термина «аброгация» в современной исследовательской литературе также непоследовательно, что приводит к необходимости заново рассмотреть вопрос о первом случае досрочного прекращения должности голосованием комиций.

Выражение *in ordinem cogi* обозначает, что магистрат на короткое время оказывается стеснен в осуществлении своих полномочий; тогда как фразы вида (a)b *re publica removere/summovere* (или *administratione rei publicae summovere*) могут указывать на ситуации, когда приостановка исполнения должностных обязанностей приближалась к акту лишения должности по длительности и по тяжести ограничений. Анализ употребления этого выражения показывает, что оно также может подразумевать наиболее всеобъемлющее отстранение от любой политической активности, включая доступную *privatus*.

Эти наблюдения были необходимы для детального анализа четырех случаев, относительно подробно описанных в источниках. Современные исследователи часто интерпретировали их как примеры досрочного лишения самой магистратуры именно потому, что античные авторы переносили язык формальной *abrogatio* на ситуации, которые означали предотвращение возможности для магистрата самостоятельно действовать без формального низложения.

В §2 «*Ἐπάρχοντα ποιήσας (Plut. Sull. 8.8)? Плебейский трибун П. Сульпиций Руф против консула Кв. Помпея Руфа в 88 г.*» рассматривается отстранение консула Кв. Помпея Руфа. Впечатление о том, что произошла формальная аброгация самой консульской должности, основано на уникальном (и, по-видимому, искаженном в рукописной традиции) сообщении Плутарха (*Sull. 8.8*). Современные комментаторы предпочитают исправлять сохранившийся текст греческого автора. Принимается обычно чтение, которое приводит к выводу о лишении Помпея Руфа должности. При этом во всех рукописях стоит *ἐπάρχοντα ποιήσας*, что означает ровно обратное. Хотя текст Плутарха в его нынешнем виде, вероятно, действительно требует исправления,

представление о том, что Плутарх имел в виду именно низложение консула, не выдерживает критики по следующим причинам. 1. Отсутствие бесспорных случаев абrogации какой-либо магистратуры (не плебейского трибуната), по меньшей мере, вплоть до 49 г. 2. Уникальность пассажа *Sull.* 8.8 как предполагаемого сообщения об абrogации Помпея Руфа (причем К. Циглер и Б. Возник, обосновывая конъектуру ἀλοχεῖροτονήσας, вынуждены допустить, что поврежденной оказалась как раз та часть текста, в которой содержалось единственное в античной традиции предполагаемое указание на абrogацию консулата). 3. Логические противоречия реконструкции Б. Возника (в частности, в его прочтении оказывается, что более опасному консулу Сулле позволили сохранить власть, что привело затем к катастрофе, тогда как Помпея Руфа якобы решили низложить любой ценой). 4. Существование, по крайней мере, нескольких альтернатив конъектурам, предполагающим абrogацию. Эти альтернативы включают: а) Понимание рукописного чтения ἐλάρχοντα ποιήσας как отсылки к более ранней ситуации, когда трибун Сульпиций действительно поддерживал кандидатуру Помпея Руфа при выборах консула на 88 г.; б) Исправление на ἐλάρχοντα παύσας или иной схожий вариант и понимание этой фразы как указания на лишение провинции; в) Исправление на ἐλάρχοντα παύσας и интерпретация данной формулы как нетехнического описания того, что Сульпиций препятствовал Помпею осуществлять свои полномочия, но не лишил его должности. Все эти интерпретации сопряжены с затруднениями, но последняя из них представляется наиболее убедительной.

Другой важный случай (отстранение Л. Корнелия Цинны в 87 г.) предполагаемого лишения должности в контексте гражданской войны анализируется в §3 «*Prohibitus et honore privatus urbe profugit: Консул Л. Корнелий Цинна в 87 г.*». Этот эпизод особенно показателен, поскольку демонстрирует разнообразие исследовательских реконструкций, предложенных для объяснения политической логики предполагаемой абrogации. Однако ни одна из интерпретаций, которые исходят из указанных представлений, не представляется убедительной. Голосование в комициях не засвидетельствовано в источниках и даже прямо опровергается повествованием Аппиана. Фраза Веллея Патеркула *ex auctoritate senatus consulatus ei abrogatus est* не может считаться надежным указанием на формальную *abrogatio* ввиду особенностей употребления самого гл. *abrogare* (особенно в связке с формулой *ex auctoritate senatus*) в античной нарративной традиции. Версия о низложении Цинны по решению народа несостоятельна и по ряду дополнительных причин, в том числе потому, что последующая «реставрация» Цинны не потребовала какого-либо акта со стороны комиций. Реконструкция обстоятельств принятия предполагаемого *senatus consultum ultimum* (SCU) показывает, что, каким бы ни было его содержание (если такой акт вообще имел место), он не мог быть инструментом фактической реализации отстранения Цинны.

После поражения на форуме Цинна оказался в промежуточном положении между *magistratus* и *privatus*, поскольку его позиция уже не могла быть сведена ни к одному из этих статусов. Формально статус Цинны как консула не изменился, но он утратил контроль над политической инициативой в городе Рима и оказался неспособен предпринимать какие-либо самостоятельные шаги в его пределах. Трудности, с которыми Цинна столкнулся даже вне Рима, и невозможность для него просто продолжить действовать в качестве консула, предварительно не получив акцентированного, публичного признания от собственных сторонников, демонстрируют реальность его отстранения как эффективной политической стратегии (пусть в данном случае она не привела ее инициаторов к успеху).

В §4 «*Administratione rei publicae decreto patrum submoverentur: претор Г. Юлий Цезарь и плебейский трибун Кв. Цецилий Метелл Непот в 62 г.*» изучается отстранение от должностных обязанностей претора Г. Юлия Цезаря и трибуна Кв. Цецилия Метелла Непота в 62 г. Свидетельства Светония в сочетании с данными Плутарха и Диона показывают, что инцидент 62 г. также не имел отношения к практике абrogации. Однако ситуация вновь описывается при помощи терминологии, которая может создать впечатление о том, что имела место абrogация. Важно изложение Плутарха, демонстрирующее, что лишения должности (обозначенного как ἀτιμοῦν καὶ ἀποψηφίζεσθαι в пассаже *Cat. Min.* 29.2) все же удалось избежать, тогда как Светоний сообщает больше о конкретных деталях того, что все-таки произошло. Здесь ключевыми оказываются два обстоятельства. Какое бы постановление сенат ни вынес по поводу Цезаря и Непота, это решение не имело формального воздействия на преторскую юрисдикцию Цезаря (*ius dicere*). Ожидалось лишь, что Цезарь сам воздержится от дальнейшей деятельности в качестве претора. Поскольку он решил этого не делать, для его дополнительного «убеждения» была ясно обозначена угроза применить силу. Отстранение Цезаря сводилось к его собственному решению на некоторое время «оставаться в тени». Светоний употребляет формулировку, которая может означать только решение самого Цезаря не инициировать ничего самостоятельно, а ждать и наблюдать, что будет дальше (*Suet. Iul.* 16: *quieturus*; ср. *Cass. Dio* 37.44.1: οὐδὲν ... ἐνεωτέρισεν). Таким образом, эпизод 62 г. показывает, что должностное лицо его противники могли фактически лишить способности эффективно пользоваться полномочиями, вынуждая его воздерживаться от всякой, даже потенциальной, политической инициативы.

Особую значимость эпизоду 62 г. придает то, что источники описывают восстановление положения Цезаря. Требование вернуть претора к исполнению обязанностей исходило не от самого Цезаря, а от третьей стороны – толпы его сторонников. Нет никаких свидетельств того, что Цезарь сам инспирировал появление этой толпы. Он проявил инициативу, лишь среагировав на первоначальный (или, вернее, предшествовавший) запрос со стороны сограждан. Ситуация развивалась таким образом, что сенат сам оказался заинтересован в том, чтобы Цезарь снова стал эффективным инициатором действий, хотя и только постольку, поскольку это позволяло нейтрализовать угрозу сенату, созданную неконтролируемой массой. Следовательно, «восстановление в правах» – которое в данном случае действительно могло повлечь за собой возвращение возможности фактической реализации ряда формальных магистратских прерогатив – стало возможным именно потому, что противники Цезаря сочли для себя более выгодным этот исход, чем дальнейшее соблюдение ранее наложенного ими же фактического запрета на продолжение деятельности Цезаря в качестве претора.

Последним примером, детально рассмотренным в гл. 3, является отстранение претора М. Целия Руфа в 48 г., сведения о котором анализируются в §5 «*Ab republica removendum censuit: претор М. Целий Руф в 48 г.*». Античные источники, в особенности подробное изложение у Кассия Диона, прямо указывают на то, что Целий формально сохранял претуру. Т. Моммзен полагал, что, хотя Целий и сохранял магистратуру, он был формально лишен отдельных полномочий, обычно сопряженных с этой должностью. Однако единственным официальным актом, направленным против Целия, было постановление сената. Даже если предположить, что оно имело форму SCU, сам по себе последний не мог ограничить отдельные компетенции (а не только провинцию) претора. Уничтожение преторских инсигний Целия также не аннулиро-

вало его право обращаться к народу. Таким же образом передача его обязанностей другому претору не означала перераспределения собственно властных прерогатив: были перераспределены именно обязанности и ответственность за их исполнение, но не сами должностные полномочия (по этой причине точнее говорить в подобных случаях об отстранении от должностных «обязанностей», а не от должностных «полномочий»).

Консул Сервилий *ad hoc* использовал свои полномочия, чтобы воспрепятствовать как минимум двум конкретным действиям Целия, каждое из которых может рассматриваться как попытка проявить самостоятельную политическую инициативу. Чтобы претор не смог преодолеть это противодействие, Сервилий установил своего рода «надзор» или «наблюдение». Это показывает, что предметом борьбы была именно возможность блокировать действие еще до того, как оно создаст реальные политические последствия и изменит наметившийся ход событий. В этом процессе решающим фактором становилось время – отсюда и стремление жестко контролировать, какие шаги претор может предпринять. Более того, «наблюдение» за Целием, по-видимому, было умышленно неполным: несовершенство установленного надзора позволяло спровоцировать претора на такие действия, которые отвечали расчету Сервилия.

Во всех рассмотренных случаях отстранения магистратов действует тот же принцип, который выявляется при анализе политической роли магистратов-десигнатов в гл. 2, но теперь видна его обратная сторона. Уподобление магистрата *privatus* в источниках – явление, противоположное рассмотренному в гл. 2 (а также в гл. 4) – действительно прослеживается во всех десяти проанализированных эпизодах отстранения магистратов (включая четыре ключевых случая, изученных более подробно благодаря наличию большего числа деталей).

Общий взгляд на эти эпизоды позволяет сделать ряд дополнительных наблюдений. Во-первых, решающее значение имели контроль над физическим пространством и доступ к каналам политической коммуникации. Во-вторых, в событиях 88, 87, 62 и 48 гг. формальный статус магистрата на некоторое время становился для сторон конфликта в значительной мере нерелевантным в том смысле, что его смена не успевала отразить изменения фактического положения дел, а порой и прямо ему противоречила. В-третьих, отстранение магистрата формально представляло собой ситуацию, в которой он технически сам принимал решение воздержаться от дальнейшего осуществления своих властных прерогатив, даже если делал это вынужденно. В-четвертых, нарративные источники уделяют внимание ярким, демонстративным жестам, сопровождавшим отстранение магистратов. Таким образом, чтобы стать политически действенным, отстранение магистратов буквально требовало «видимости».

Помимо публичности, важна и другая характеристика изучаемого феномена. Отстранение магистратов могло произойти быстро (а также без участия больших масс граждан) и, таким образом, потенциально отразить произошедшие изменения быстрее, чем это могло бы сделать формальное лишение магистратуры. Во всяком случае, отстранение магистрата могло «оформить» важное политическое изменение оперативнее, чем это было возможно в рамках ежегодной смены ординарных магистратов.

Наконец, во всех случаях, рассмотренных в гл. 3, способность магистрата выступать инициатором, действовать автономно и по собственному разумению, становилась для античных авторов значимым критерием оценки его политической состоятельности именно в ситуации подлинного и острого внутривластного конфликта.

При «спокойном» функционировании республиканских институтов независимость политического актора от чужого мнения, по-видимому, не играла первостепенной роли для его оценки в последующей традиции.

В четвертой главе «Вмешательство римских республиканских промагистратов в сферу *domi*» рассматривается то, как античные авторы описывают политическую активность промагистратов в сфере *domi* при помощи тех же категорий, которыми характеризуется положение магистратов-десигнатов и других *privati*.

В §1 «*Промагистратура как промежуточный статус между *privatus* и *magistratus**» изучается вопрос о том, считались ли все промагистраты формально *privati*. Данная проблема лишь недавно привлекла специальное внимание антиковедов. В современных исследованиях различаются несколько типов акторов, не все из которых однозначно признаются учеными в качестве промагистратов *par excellence*: лица с продленным (пророгированным) империем; лица, получившие империй заново, после истечения магистратуры; лица с делегированным империем. Наконец, в историографии пока не прояснен вопрос о том, какой властью обладали проквесторы, если сами квесторы не имели империя. Эта проблема потребует дальнейшего изучения (его насущную необходимость подчеркивает проведенный анализ деятельности промагистратов в сфере *domi*).

Тезис о том, что различие между магистратурой и промагистратурой оформилось только к концу II в., вводит в заблуждение и основан главным образом на неверной интерпретации передачи римской терминологии для обозначения промагистратов на древнегреческом языке. Республиканские законы, засвидетельствованные эпиграфически, последовательно и недвусмысленно описывают магистратов и промагистратов как отдельные категории. Сформулированная в последнее время В. Блэзелем идея о том, что промагистраты образовывали самостоятельную публично-правовую категорию на одном уровне с *privati* и *magistratus*, не подтверждается источниками. В частности, два ключевых фрагмента *lex coloniae Genetivae* (130, l. 45; 131, l. 7) прямо опровергают эту трехчастную модель, показывая, что она не могла составлять основу логики, из которой исходил законодатель. Кроме того, подход В. Блэзеля не позволяет описать положение проквесторов.

Отсутствие формулы *privatus cum imperio* в античных текстах и использование таких описаний, как *qui imperium habent*, подтверждает то, что они относились к числу *privati* и именно поэтому их эксплицитное обозначение в качестве таковых было излишним – за исключением тех случаев, когда промагистраты вторгались в сферу, относившуюся к компетенции *magistratus*. В последней ситуации источники начинают делать акцент на их статусе в качестве *privatus*, чтобы подчеркнуть нелегитимность их действий.

Хотя свидетельство *lex coloniae Genetivae* представляет собой, по-видимому, единственное прямое доказательство формального отнесения промагистратов к числу *privati*, исключительность этого сообщения объясняется спецификой задачи законодателя: в данном контексте потребовалось дать формальное определение всем, кто не обладал публичной властью, не относился ни к магистратам, ни к промагистратам. В то же время, язык нарративной традиции может показаться противоречивым. В одних случаях промагистраты прямо называются *privati*; в других эпизодах *privati* и промагистраты явно разграничиваются. Однако это кажущееся противоречие закономерно вытекает из того, что античным авторам одна и та же дихотомия *privatus/magistratus* служила для обозначения как публично-правового статуса, так и неформальной поли-

тической роли, включая попытки отдельных промагистратов действовать в сфере *domi* так, будто они были магистратами.

Ряд исследователей (Дж. Бриско, Я. Бертле, А. Далла Роза, Ф. Верват, В. Блэзель) попытались исключить из рассмотрения те пассажи, в которых промагистраты названы *privati*. Три наиболее распространенных объяснения сводятся к предположению о простой «ошибке», к идее о том, что термин *privatus* применяется в «политизированном» смысле (полемическом ключе) и не претендует поэтому на публично-правовую точность, и, наконец, к утверждению, что некоторых промагистратов именовали *privati* лишь по той причине, что их не признавали легитимными, то есть, строго говоря, вообще не считали промагистратами. Однако эпизоды, на которые ссылаются сторонники этих объяснений, не убеждают. Так, например, во фрагменте Liv. 38.42.10, обозначение проконсулов *privati* не может быть объяснено стремлением поставить под сомнения их действия или их публично-правовой статус, т.к. критика направлена не против самих проконсулов (их легитимность не отрицается), а против сената, который продлил им управление провинциями. Во многих иных случаях античные авторы, действительно, отличали промагистратов и прочих *privati*. Однако сопоставление действующего промагистрата и других *privati* всегда имело дополнительные причины.

Смена фокуса исследования – от рассмотрения действий промагистратов в провинциях к изучению их попыток влиять на ситуацию в городе Рима – позволяет объяснить нормативное отнесение всех промагистратов к числу *privati* и причины, по которым источники актуализируют это формальное определение только в определенных ситуациях. Отсюда возникает вопрос о формальных и практических ограничениях, накладывавшихся на промагистратов с тем, чтобы исключить их вмешательство в сферу *domi*. Практические ограничения были эффективны. Даже если допустить, что такие промагистраты, как Помпей и Цезарь, выработали широкий спектр методов для влияния на городские дела на расстоянии и через посредничество других акторов, следует признать: проецирование богатства и ресурсов, накопленных ими в провинциях, на процесс принятия решений в Риме позволяло им, скорее, сохранять и защищать уже достигнутые позиции, чем добиваться принципиально новых политических результатов, не подтвержденных ранее их собственными действиями в качестве магистратов.

Формальные ограничения власти промагистратов связаны, прежде всего, с политическим значением городской границы Рима. Несмотря на заметную в историографии в настоящее время тенденцию ставить под сомнение (это, в частности, делает Д. Эммелиус) значение померия как конкретной черты, имевшей политическое значение, ее ключевая роль (даже если ее не всегда можно строго отождествить с самим понятием *romerium*) именно для промагистратов остается несомненной.

Хотя промагистраты в принципе могли присутствовать и на заседаниях сената, и в гражданских *contiones*, если они проводились *extra urbem*, им не полагалось активно действовать на них в качестве должностных лиц, ответственных не только за свои провинции. Во всяком случае, они не могли сами инициировать такие собрания. Это наблюдение побуждает детально рассмотреть именно те случаи, в которых промагистраты пытались осуществить то, что им формально запрещалось, – инициировать публичное политическое действие в сфере *domi*. Даже их попытки действовать через магистратов, а не напрямую, вызывали критику античных авторов и именно при

описании этих ситуаций последние напоминали читателям о том, что промагистраты формально оставались *privati*.

Эпизоды указанного рода концентрируются вокруг фигур Помпея и Цезаря в последние десятилетия Республики. Однако ряд значимых случаев можно обнаружить и в описаниях событий до начала 60-х гг. Так, традиция, передающая детали выстулений проконсула П. Корнелия Сципиона на гражданских *contio* в 210 г., может отражать как историческую реальность, так и позднейшие реконструкции. Но уже само по себе отсутствие указания на имя должностного лица, официально созвавшего *contio*, на которой Сципион, очевидно, нарушил рамки допустимого для промагистрата, свидетельствует: источники игнорируют вспомогательную, сугубо техническую роль того магистрата, который мог лишь «обслуживать» чужую инициативу, потому, что ведущую роль современники и позднейшие авторы усматривали за самим проконсулом. Описание движения проконсула М. Эмилия Лепида на Рим в 78 г. вновь показывает, как античные источники оперируют дихотомией *privatus/magistratus*, чтобы описать присвоение промагистратом функций, воспринимавшихся как исключительно магистратские. Вскоре после Лепида Помпей (будучи промагистратом, вероятно, легатом с делегированным империем) использовал армию как рычаг давления на принятие решений в Риме.

В §2 «*Praesidens urbi – introisset in urbem: проконсул Помпей и город Рим в 60–50-е гг.*» был предложен новый ракурс изучения деятельности Помпея в 60-е и 50-е гг. Акцент был сделан на выяснении того, что он мог или не мог осуществлять в политическом центре Республики в статусе промагистрата. Уже Цезарь отмечал длительное пребывание проконсула Помпея *ad urbem* и его активное, хотя и ограниченное, участие в «городской политике» (*BCiv.* 1.85.8). Примечательно, что это свидетельство до сих пор недооценено в историографии как имевшее в виду как раз промагистратский статус Помпея. Вместо этого критика Цезаря трактовалась как относящаяся к Помпею на момент исключительно 52 г. (А. Альфельди), его чрезвычайным военным командованиям (Д. Кинаст) или к факту сосредоточения в его руках целого ряда провинций (Ф. Костабиле), тогда как представление о Помпее как модели для Августа (Эд. Мейер), хотя и подчеркивает сходство их положения в связи с тем, что оба длительное время формально оставались проконсулами, не учитывает, как представляется, важные детали.

Имеется достаточно свидетельств того, что уже в 62 г. планировалось наделить промагистрата Помпея правом действовать в сфере *domi* и даже внутри городских стен. Законопроект Кв. Цецилия Метелла Непота должен был дать проконсулу полномочия для разрешения кризиса в Риме и в Республике в целом, а не только для военного подавления Катилины в Италии. Законопроект не был реализован, но, возможно, подготовил почву для следующей, более масштабной и успешной, попытки узаконить вмешательство промагистрата в городскую политику – *procuratio annonae* Помпея в 57 г.

Данные о полномочиях Помпея в роли куратора анноны крайне ненадежны и часто имеют косвенный характер. Можно предположить, что Помпей действительно получил формальную санкцию на действия в сфере *domi*, однако этот вывод остается в высокой степени умозрительным. На этом фоне выделяется свидетельство Кассия Диона. Он сообщает, что Помпей должен был пересмотреть список получателей государственного зерна с целью исполнения своей задачи как *curator annonae*. Если это так, то перед нами, вероятно, первый случай в республиканской истории, когда про-

консул официально получил право вмешиваться в управление Римом, причем в стандартную, «регулярную» его часть (которая в обычной, не кризисной ситуации осуществлялась эдилами). Значение *procuratio annonae* 57 г. с этой точки зрения еще не было подчеркнуто в историографии.

Интерпретация пассажа Диона зависит от понимания термина *ἀλοῦραφή*. С этой проблемой тесно связан вопрос о том, как именно было оформлено исключение из правил, связанных с городской границей, позволявшее Помпею, будучи промагистратом, исполнять обязанности куратора анноны в городе Риме. Распространенная в историографии (Р. Сигер, К.М. Жирарде, Д.Р. Шэкстон Бэйли и, с оговорками, Ф. Верват) идея о том, что Помпей получал «разовые», *ad hoc* диспенсации, представляется ошибочной: она не подкрепляется конкретными свидетельствами и внутренне противоречива. Хотя гипотеза о постоянной диспенсации также сопряжена с рядом сложностей, ни одна из них не кажется критической.

С опорой на наблюдение К. Николе (поддержанное К. Вирлуве и другими исследователями) о том, что *ἀλοῦραφή* Помпея представляла собой *recensus* латинских источников, были привлечены сведения о позднейших случаях *recensus populi*. Сообщение Светония о намерении Цезаря исключить нерегулярно (*quandoque*) проводившиеся собрания и заменить их регулярной, ежегодной (*quotannis*) жеребьевкой, в сочетании с рассказом Цицерона о *coetus*, проводившемся М. Антонием (в данном случае несомненно, что это вариант *contiones*), дает основание предположить, что Помпей тоже выступал организатором массовых собраний, необходимых для осуществления *frumentatio*. Эти собрания могли носить сугубо технический, а не обычный для *contiones* политический характер (связанный с произнесением речей), но это не отменяет главного: впервые в республиканской практике именно промагистрату поручалось самостоятельно взаимодействовать с массовыми собраниями граждан для исполнения важной публичной функции в сфере *domi*.

Следующий шаг в развитии указанной тенденции был сопряжен с длительным пребыванием проконсула Гн. Помпея *ad urbem* в 50-е гг. В конце 50-х гг. предпринимаются первые попытки санкционировать собственно политическую инициативу промагистратов в сфере *domi*. Если детали действий Помпея, обеспечивших избрание консулов в 53 г., остаются неясными, то о *senatus consultum ultimum* (SCU) 52 г. известно значительно больше. SCU неоднократно адресовался проконсулам, однако эпизод 52 г. выделяется особо: в этом случае проконсул прямо призывался к тому, чтобы урегулировать кризис в Городе, при полном отсутствии какой-либо внешней угрозы. Если полномочия по набору войска для обороны Рима или обеспечению безопасности гражданских собраний еще могут рассматриваться как результат расширения традиционной военной компетенции промагистратов, то новые судебные полномочия Помпея в Городе таким образом объяснены быть не могут. Кроме того, практика функционирования сената в конце 50-х гг. явственно демонстрирует растущую зависимость самого этого органа от физического присутствия проконсула, а следовательно, от признания за ним права на лидирующее участие в формировании политической «повестки дня».

Рассмотрение в §3 «*Omnes qui sunt eius ordinis a Pompeio evocantur: созов проконсулом Помпеем собрания сенаторов 1 января 49 г.*» событий ключевого, 49 г., начато с анализа собрания сенаторов у Помпея 1 января 49 г. В связи с указанным собранием Цезарь прямо отмечает попытку коллеги-проконсула установить контроль над институтами *civitas*. Для Цезаря принципиален не только сам факт инициативного

действия Помпея в тот момент и в том месте, которые тот посчитал подходящими, но и то, что Помпей обратился ко всему сенаторскому сословию (*omnes qui sunt eius ordinis*), тем самым, фактически, подменив действующих консулов в их роли председателей официальных сенатских заседаний. Промагистраты, несомненно, могли и должны были взаимодействовать с сенаторами в «индивидуальном порядке», как и любые представители политической элиты; для этого не требовалось занимать магистратуру. Однако созыв всех сенаторов, на чем делает акцент Цезарь, принципиально меняет дело (и поэтому сложно согласиться с предложенными современными исследователями конъектурами текста Цезаря, устраняющими как раз эту ключевую деталь).

Проведенный с опорой на наблюдения К. Раафлауба анализ позволяет сформулировать тезис о том, что описываемое Цезарем собрание в сложившихся обстоятельствах действительно могло иметь ту практическую значимость, которую он ему приписывал, даже если отдельные детали его риторики выглядят сомнительными. Цезарь, не желая допускать искажения в своем изложении сверх необходимого (об официальном созыве сената говорить, насколько можно судить, никак нельзя), стремился показать, что Помпей целиком определял ключевые параметры неформального собрания сенаторов: состав участников, время, место и тему обсуждения, – т.е. совокупность именно тех аспектов, которые составляют контроль над политической инициативой.

Если та характеристика, которую Цезарь дал собранию сенаторов у Помпея, с точки зрения первого не требовала дальнейшего комментария, то можно предположить, что к 49 г. представление о том, что неформальная инициатива является не менее важной, чем магистратуры и формальные полномочия, уже стало частью политического мышления римской элиты.

Эти выводы могут быть подтверждены эпизодом, связанным с утверждением Цезаря о том, что *privati* из числа сторонников Помпея злоупотребляли правом на применение ликторов в пределах города в тот момент, когда сам Цезарь приближался к Риму с войском (§4. «*Lictoresque habent in urbe et Capitolio privati: промагистраты в Риме в 49 г.?*»). В тексте *BC*. 1.6.5–7 сообщается о том, что консулы впервые покинули город таким образом, что в результате этого некие *privati* смогли применить ликторов в пределах Рима. Исследователи предлагали различные конъектуры для исправления данного фрагмента. Имеющиеся прочтения сводятся к тому, что консулы испытывали затруднения либо с военными ауспигиями, либо с проведением *lex curiata*, который должен был утвердить их полномочия. Эти причины якобы объясняют утверждение Цезаря о беспрецедентности ситуации. Однако оба толкования требуют умозрительных допущений, сопряжены с внутренними противоречиями или, по меньшей мере, не могут служить исчерпывающими объяснениями. Консулам-помпеянкам было сравнительно легко оперативно устранить упомянутые Цезарем изъяны. Кроме того, указанные подходы вынуждают допустить, что Цезарь основывает свою критику на заведомой неправде.

Можно исходить из того, что *privati* и консулы в данном пассаже – не одни и те же лица. Поскольку главным предметом критики становится появление ликторов у *privati* именно внутри Рима, речь может идти только о промагистратах. Ликторы понадобились для реального осуществления ими власти в Риме.

Таким образом, проблема заключалась не в том, что консулы, покидая Рим, впервые допустили некое нарушение. Подлинным новшеством 49 г. стало иное: их

отъезд впервые открыл промагистратам возможность войти в город и воспользоваться своей властью внутри Рима, причем сделать это, согласно логике самого Цезаря, при отсутствии какой-либо реальной внешней военной угрозы городу. Примечательно, что такая интерпретация уже высказывалась Дж.М. Картером. Однако она была отвергнута им самим единственно на том основании, что термин *privatus* якобы не может применяться по отношению к промагистратам.

Оставшиеся свидетельства о деятельности промагистратов в сфере *domi* в переломном 49 г. рассматриваются в §5 «*Проконсулы, сенат и народ в 49 г.*». Содержательный анализ возможен в отношении вмешательства Цезаря в ситуацию в городе Риме в апреле 49 г., когда он все еще обладал статусом проконсула и находился поблизости от города после отступления помпеянцев. Многие исследователи полагают, что Цезарь уже в это время пересек городскую черту, однако совокупность имеющихся сведений надежно исключает такую возможность. Отказ от пересечения городской черты был для Цезаря наименее обременительным способом продемонстрировать свою приверженность республиканской политической традиции. Утверждения поэта Лукана о том, что Цезарь все-таки пересек границу города, лишь подчеркивают то, что при сохранении своего «идеологического» значения, городская черта уже не выступала действенным механизмом политического сдерживания. Формальное следование правилу, которое фактически перестало работать, не требовало значительных издержек. Выступления проконсула Цезаря в сенате и в *contio* подкрепляют этот тезис. Например, Цезарь пообещал согражданам хлеб и деньги, что явно выходит за рамки того, что нам известно о поведении промагистратов на гражданских *contiones*. Формула Светония *appellatisque de re publica patribus* (*Iul.* 34) емко резюмирует суть ситуации: фраза подчеркивает стремление проконсула подменить собой консулов. Свидетельства Лукана об этих событиях содержат уникальный материал о том, как античные авторы могли оценивать вмешательство проконсулов в функционирование институтов *civitas*. В текстах Цицерона и самого Цезаря это прослеживается менее явно. Если допустить, что Лукан последовательно исходит из республиканского словоупотребления и дихотомии *privatus/magistratus* при противопоставлении промагистратов и магистратов, можно предложить объяснение, применимое ко всем случаям употребления им термина *privatus* в отношении проконсулов, что предпочтительнее *ad hoc* объяснений, до сих пор предложенных в историографии.

То, что Лукан изображает собрание сената в апреле 49 г. так, будто оно официально было созвано самим Цезарем, вполне логично, если признать, что автор этим переосмыслил факт установления неформального контроля проконсула над сенатом, доведя его в поэтическом языке до утверждения, не соответствующего реальной ситуации (точно известно, что Цезарь формально не созывал сенат сам). Изображение Цезаря у Лукана как действующего на собрании в качестве *privatus* вызвало у современных комментаторов серьезные затруднения, и чаще всего объяснялось через допущение о том, что поэт видел некий изъян в законности проконсульского статуса Цезаря и только поэтому назвал его *privatus*. Однако представляется, что именно законность положения Цезаря как проконсула и побудила Лукана инструментализировать формальное отнесение промагистратов к числу *privati*, не имевших права подменять магистратов в роли организаторов и председателей заседания сената.

Во всех случаях, когда Лукан называет Цезаря или Помпея *privatus*, он одновременно подчеркивает их полный контроль над формированием политической «повестки дня». При всей сосредоточенности на юридических тонкостях и правовой ар-

гументации, римские авторы (и Лукан среди них – особенно явно; по-видимому, уже ввиду специфики выбранного им жанра) показывают, что утрата неформального контроля над политической инициативой могла, в их представлении, на какое-то время в значительной степени обесценить значение формального распределения должностной власти.

В заключительной части данного параграфа рассматривается описание Цицероном в 3-й и 5-й «Филиппиках» проконсула Антония. Оратор нигде прямо не формулирует, что Антоний именно как проконсул нарушил те или иные правила. Вместо этого Цицерон отмечает прекращение консулата Антония как переломный момент, подчеркивает незаконность неоднократного вступления Антония в город Рим и выхода из него (несмотря на то, что подобные действия должны были немедленно повлечь за собой утрату империя) и акцентирует то обстоятельство, что его оппонент действовал так, как сам желал (*vellet*), что служит прозрачным указанием на неправомерную инициативу. Эти три момента, взятые вместе, не оставляют сомнений в том, что для Цицерона неприемлемым был именно статус Антония как промагистрата, хотя прямо это и не оговаривается. Перед нами не частное полемическое замечание, а отражение глубинных, фундаментальных политических убеждений. Значительно позднее, ко времени Кассия Диона, подобное понимание уже не принадлежало живой политической культуре, близкой времени самого автора. Именно поэтому Дион вынужден прямо пояснять (как будто это уже не было очевидно его читателям), что Помпей и Цезарь действовали не так, как имели право поступать проконсул и консул, а по личному произволу. При этом прочие участники событий оставались магистратами лишь по имени (41.43.5).

В пятой главе «От триумvirата к Принципату: статус Октавиана в 32 г. и политическая инициатива в новых условиях» подход, разработанный в гл. 4, применяется по отношению к промагистратам, действовавшим в последние годы существования *libera res publica*, а также при переходе к Империи. Основное внимание уделено событиям 32 г., когда бывшие триумвиры столкнулись с тем, что их магистратура прекратилась и они оказались неспособны договориться о ее очередной итерации. Это поставило их перед необходимостью действовать, ограничившись имевшимся у них промагистратским статусом.

В §1 «*Полномочия triumviri rei publicae constituendae в сфере domi*» полномочия триумвиров анализируются в сопоставлении с таковыми как у магистратов, так и у промагистратов. В особенности Й. Бляйкен сближал триумвиров с промагистратами. Надпись из Афродисия (ок. 39/38 г.) упоминает промагистратов (*ἀντάρχοντες*) среди тех, кто мог созывать сенат. Это выглядит необычно и вызвало определенную дискуссию. Ключ к пониманию данного эпизода – без необходимости отбрасывать значительную часть имеющихся свидетельств – может заключаться в допущении о том, что текст надписи из Афродисия отражает ситуацию в различные моменты времени. Более того, он выходит за рамки простого сообщения о публично-правовом статусе и полномочиях соответствующих акторов. Дополнительным аспектом, нашедшим выражение в данной надписи, является сфера неформальной политической инициативы.

Хотя проведенный анализ, в конечном счете, вновь приводит к выводу о том, что триумвиры, разумеется, не были промагистратами, он одновременно показывает, что для жителей Афродисия промагистратское положение их покровителей в будущем потенциально оказывалось не менее ценным, чем их текущий статус в качестве

триумвиров. Обозначенные в надписи ожидания действительно оправдались. После того как первый пятилетний срок триумвиров истек 1 января 37 г., они продолжали действовать как носители публичной власти не только в сфере *militiae*, но и фактически, хотя и не официально (не претендуя на формальное сохранение триумвирата), в сфере *domi*.

Анализу одного из ключевых эпизодов вмешательства промагистратов в сферу *domi* (участие Октавиана в собрании сената в январе 32 г.) предпослано рассмотрение обширной исследовательской дискуссии о сроке завершения триумвирата *rei publicae constituendae* (§2 «*Om magistratus к privatus: публично-правовое положение Октавиана в 32 г.*»). Согласно одной из точек зрения, второй срок полномочий триумвиров истек 31 декабря 32 г. Эту интерпретацию в последнее время детально разрабатывали Ф. Верват, К.Й. Ланге, А. Далла Роза, А. Цак и другие ученые. Так, по мнению Ф. Вервата, второй пятилетний срок триумвирата продолжался с 37 по 32 г. включительно, при наличии разрыва в 38 г. между двумя периодами этой магистратуры. Центральным аргументом служит сообщение Аппиана о том, что в 33 г. до окончания второго пятилетия триумвиров оставалось еще два года (*Illyr.* 28). Однако явно ошибочное утверждение Аппиана в пассаже *BC.* 5.95 заставляет отвергнуть и логически непротиворечиво связанное с ним свидетельство *Illyr.* 28. Остальные аргументы Ф. Вервата носят косвенный характер и не могут быть приняты.

Также должна быть отвергнута выдвинутая относительно недавно гипотеза А. Цака. Он интерпретирует источники в целом в русле представления о завершении триумвирата в конце 32 г. Новизна подхода А. Цака заключается, однако, в том, что, по его мнению, фактически полномочия триумвиров прекратились уже в конце лета 32 г. после отстранения Антония. Это обстоятельство, в свою очередь, приводит к тому, что при подсчете только полных лет срок триумвирата не превысил десяти лет. Таким образом, А. Цак освобождается от необходимости отвергать сообщения, которые исходят от Августа, прежде всего, его указание на то, что триумвиром он был в течение 10 лет. Кроме того, А. Цак считает, что второй срок триумвирата в 37 г. начался не ретроактивно с 1 января, а лишь осенью. Только вследствие этого его реальная продолжительность не превысила 11 полных лет даже в том случае, если завершение триумвирата относить к лету 32 г. Тем самым А. Цак делает попытку согласовать часть свидетельств источников и элементы конкурирующих историографических подходов. Однако анализ его аргументации не позволяет принять эту концепцию. Во-первых, концепция А. Цака требует считать, что второй срок триумвирата официально начался только осенью 37 г., однако это противоречит данным источников. Во-вторых, чтобы интерпретация А. Цака могла быть принята, необходимо доказать два момента: факт абrogации триумвирата М. Антония в конце лета 32 г. и факт того, что после этого события также завершились магистратские полномочия и Октавиана. Ни то ни другое А. Цак никак не обосновывает, ограничиваясь только декларативными утверждениями.

Еще более проблематичной представляется идея о том, что триумвират вообще не имел какого-либо строгого срока полномочий, наступление которого приводило бы к его прекращению *ipso iure*. Ф. Верват склонен отдавать предпочтение именно этому решению и находит поддержку у К.Й. Ланге. Однако республиканская политическая традиция не допускала бессрочного продолжения какой бы то ни было магистратуры. В основе представления о том, что полномочия триумвиров продолжались вплоть до их абдикации, абrogации или смерти, лежит, прежде всего, исследование

У. Коли, посвященное анализу временных ограничений римских магистратур. У. Коли утверждал, что в отличие от годовых магистратур, негодичные должности, учрежденные для выполнения конкретной задачи (включая триумвират *r.p.c.*), не прекращались *ipso iure* и могли законно сохраняться по истечении установленного для них срока, т.к. он имел лишь «предупредительный», «угрожающий» (*comminatorio*) характер, т.е. служил, скорее, ориентиром разумного и надлежащего поведения, чем предписанием с автоматическим действием и обязательной силой. Однако в поддержку этой точки зрения не существует конкретных свидетельств. Кроме того, теория У. Коли внутренне противоречива.

Построения У. Коли требуют считать, что магистратуры *ad tempus incertum* в обычной ситуации формально прекращались только путем абдикации. Но поскольку абдикация по определению сама является формально добровольным актом (это признавал и сам У. Коли), то отсюда следует, что некоторые магистраты имели законное право сохранять свою власть только потому, что они не желали совершать абдикацию. Тогда само по себе выполнение задачи, ради которой учреждалась такая должность, фактически не имело никаких юридических последствий, т.к., согласно У. Коли, в этом случае все равно требовался акт отказа от должности. Однако исходным пунктом всех рассуждений У. Коли являлось утверждение о том, что именно существование конкретной задачи было формальной причиной того, что такие магистратуры не прекращались *ipso iure*, в отличие, например, от консулата.

Если рассматривать гипотезу У. Коли о магистратурах *ad tempus incertum* и анализ Ф. Верватом поведения Октавиана в 32 г. как элементы единого целого, становится очевидным «порочный круг» аргументации. Тесно связана с этой проблемой дискуссия о предполагаемой абдикации Октавианом триумвирата лишь в 27 г. Ф. Верват делает попытку трактовать пассаж Кассия Диона (53.4) как в целом точное отражение реально произнесенной Октавианом речи, причем ее суть заключалась в том, что в ней он заявлял о сложении магистратуры триумвира. Такая интерпретация неубедительна, поскольку она требует допустить, что одни части передаваемой Дионом речи полностью недостоверны, тогда как другие части якобы точно отражают конкретные технические детали публично-правовой ситуации. По существу, Ф. Верват утверждает следующее: всем было известно, что Октавиан все еще оставался триумвиром, но постепенно начал затушевывать этот факт. Однако этому взгляду резко противоречит собственный вывод Ф. Вервата о том, что в 27 г. Август торжественно совершил абдикацию триумвирата.

К.Й. Ланге разработал более подробную интерпретацию содержания формального предлога для продления триумвирата – «задачи» Октавиана и других триумвиров как носителей этой магистратуры. Но представляется спорной сама концепция «задачи» (*task*) триумвирата. «Задачи» (точнее было бы назвать их *provinciae*), которые прослеживает Ланге после 33 г., все относились к сфере *militiae* и вполне могли быть поручены проконсулам. Незавершенность этих задач поэтому не могла служить формальным основанием для продолжения исполнения магистратуры.

Наконец, А. Далла Роза подверг критике многие из изложенных выше исследовательских интерпретаций, но проведенный им самим детальный анализ предполагаемых признаков сохранения Октавианом власти триумвира после 33 г. (помимо уже отмеченных выше аргументов) сводится к выводу о том, что отмена Октавианом ранее принятых триумвирами решений посредством эдикта 28 г. (означенного выпуском аурея с легендой *LEGES ET IVRA P. R. RESTITVIT*) была единственным реальным

случае применения власти триумвира после 32 г. Однако это опровергается тем, что Октавиан как консул вполне мог обеспечить санкционирование данного акта решением SPQR, каковую возможность допускает (в иных случаях) и сам А. Далла Роза.

Исследователи, утверждавшие, что прекращение триумvirата произошло после 31 декабря 33 г., сталкивались с другой проблемой: необходимо было объяснить тот факт, что в 32 г. Октавиан действовал не так, как следовало бы ожидать от бывшего триумвира или от проконсула. С опорой на наблюдения Х. Бенарио и Н. Льюиса К. М. Жирарде отмечается, что Октавиан не пересек городскую черту, чтобы участвовать в заседании сената в начале года. Следовательно, он легально оставался промагистратом.

Проведенный анализ проблемы срока окончания триумvirата не только позволил проанализировать положение триумvirов как в некотором смысле тоже промежуточное, но и подойти к рассмотрению деятельности экс-триумвира Октавиана как проконсула в 32 г. (§3 «*Захват политической инициативы в сфере domi: проконсул Октавиан в сенате в 32 г.*»). Описание Кассием Дионом сенатского собрания, инициированного Октавианом в начале 32 г. (50.2.3–6), не может служить аргументом ни «за», ни «против» отдельных теорий по поводу срока прекращения триумvirата, однако оно дает представление о том, какое политическое значение имел промагистратский статус в конце республиканской эпохи. Описание Дионом событий, завершившихся бегством сторонников Антония из Рима, не предполагает какого-либо изменения формального статуса участников. Иными словами, если такое изменение (например, истечение срока триумvirата) вообще имело значение, то оно либо произошло до заседания сената и бегства консулов, либо должно было состояться после того, как реальный перелом (по крайней мере, в изложении Диона) уже наступил. Этот перелом, как его описывает Дион, не может быть понят иначе как в терминах приобретения или утраты контроля над неформальной инициативой и формированием политической повестки, в том числе, в сенате.

Взгляд на повествование Диона как описание этапов смены контроля над неформальной политической инициативой позволяет предложить объяснение его необычному замечанию о том, что Октавиан предоставил некое оправдание своему отсутствию в Риме (до момента созыва решающего собрания сената). Проконсулу, рассчитывавшему на триумф, едва ли требовалось объяснять, почему ему необходимо покинуть город. Однако формулировка Диона ὅλως ἐν τῇ πόλει («целиком в городе») подразумевает, что Октавиан покинул окрестности Рима, а не только пределы сакральной границы города. Это вполне логично, если полагать, что Октавиан действительно стремился продемонстрировать своим противникам отсутствие намерения начинать политическую борьбу за город. Такое демонстративное воздержание от инициативы с целью вынудить противников нанести первый удар можно рассматривать как способ захвата этой самой инициативы на следующем этапе борьбы.

Рассмотрение переходных статусов между *privati* и *magistratus* в Римской республике был бы неполным без указания некоторых направлений для дальнейшего рассмотрения (§4 «*Переходный статус и политическая инициатива принцев: перспективы исследования*»). В историографии давно признается значение контроля Августа над политической инициативой. Хорошо заметная в тексте *Res Gestae* настойчивость Августа в том, чтобы представлять себя инициатором любого значимого политического действия, безусловно, привлекала внимание исследователей. Однако проведенный анализ промежуточных статусов между *privati* и *magistratus* в эпо-

ху Республики позволяет сделать вывод о том, что Август имел возможность в этом отношении опереться на политический опыт Республики, хотя и значительно пересмотрел его. Как показывает текст *Res Gestae*, Август открыто признает свою способность к политической инициативе в беспрецедентном масштабе, причем даже в статусе *privatus*. Сходным образом в элогиях, размещенных им на своем форуме, Август восхваляет всех тех, кто оказался способен спасти положение – независимо от того, действовал ли как должностное или как частное лицо, – благодаря индивидуальной самостоятельной инициативе. Более того, в некоторых элогиях можно даже усмотреть смещение акцента от *honores* (перечисление которых, разумеется, остается обязательным) к описанию содержания конкретной инициативы, даже если она осуществлялась в статусе *privatus*.

В 20 г. н.э. сенат обсуждал вопрос о возможном смягчении *lex Papia Poppaea* о браке. Тацит пишет, что этот закон оказался неэффективным и даже вредным для семей (*Ann.* 3.25). Это служит для античного автора поводом проследить историю развития законодательства как такового. Т. Шмитт показал, как именно Тацит воспользовался этим сюжетом для завуалированной критики Августа, особенно когда в своем обзоре развития законодательства обратился к обсуждению законов Помпея 52 г. до н.э.

Притязания Августа на способность к инициативе, подходящей для решения крупных общественных проблем, оказываются во многом основаны на представлении о том, что он действует в ответ на ожидания, возлагаемые на него народом. Во-первых, Август позиционирует себя как инициатора *любого* значимого политического действия в государстве. Тем самым он эксплуатирует разделение должности и инициативы, которое уже наблюдалось ранее, как показывает история переходных статусов между *privati* и *magistratus* в эпоху *libera res publica*. Во-вторых, в то время как носители должностей получают *honores* в обмен на обязательство в будущем эффективно действовать в новом публично-правовом качестве, Август отказывается от (многих) *honores*, но принимает на себя сопряженные с ними обязательства, причем в беспрецедентных масштабах. Его инициатива более «впечатляющая» потому, что он не требует ничего взамен.

Развитие идеологии, сформулированной в *Res Gestae* вокруг представления о политической инициативе, приводит к парадоксальному, но ожидаемому появлению установки на сознательный отказ от нее, минимизацию участия в сенатских заседаниях и других политических собраниях и публичных процедурах и, наконец, к *recusatio imperii*. В речи Октавиана об отказе от власти в 27 г. до н.э. в передаче Кассия Диона можно видеть указание на абдикацию по собственной воле (53.8.2). Это вынуждает других политических акторов обращаться с просьбами к принцепсу вновь взять на себя контроль над ситуацией, вмешаться и спасти положение. Тем самым легитимность контроля принцепса над политической повесткой сохраняется благодаря тому, что его вмешательство представлено как ответ на свободную инициативу других – в полном соответствии с республиканскими представлениями.

В свете исследования переходных статусов постепенное смещение акцента с дихотомии *privatus/magistratus* на различие *privatus/princeps*, проанализированное А. Винтерлингом, выглядит вполне логичным, поскольку этот сдвиг обозначал притязание принцепсов на «регулярный» контроль именно над неформальной инициативой. Вместо акцента на *potestates* теперь относительно более важно стало подчеркивать контроль над неформальной политической инициативой, в чем император –

независимо от того, занимал ли он в данный момент какую-либо магистратуру или нет, – далеко превосходил всех остальных.

Проведенное исследование, следовательно, побуждает заново рассмотреть распространённые в науке представления о степени внутренней противоречивости раннего Принципата. Оно предлагает дополнительные аргументы для вывода о континуитете между Республикой и Империей, одновременно подчёркивая масштаб произошедших изменений: неформальная инициатива, превосходившая магистратскую, была элементом ещё республиканской системы, но частью нормы стала лишь при первых принципсах.

В **Заключении** сформулированы общие выводы, сделанные в ходе исследования (см. положения, выносимые на защиту).

Список использованных источников и литературы содержит 998 названий.

В **Приложениях** приведены фрагменты созданных баз данных. В Приложении А – фрагменты базы данных «От *privatus* к *magistratus*: политическая роль носителей “переходных статусов” в Римской Республике (источники и историография)»; в Приложении Б – фрагменты базы данных «Политическая инициатива промагистратов Римской республики в сфере *domi* (источники и историография)».

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Главы монографий:

1. Frolov R.M. The ‘Wrong’ Meetings? Some Notes on the Linked Usage of the Terms *coetus* and *contiones* in the Political Language of the Roman Republic // *Institutions and Ideology in Republican Rome: Speech, Audience and Decision* / Eds. H. Van der Blom, C. Gray, C. Steel. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 236–251.
2. Frolov R.M. Introduction // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 1–35.
3. Frolov R.M. Seizing Initiative in the Sphere *domi*: Magistrates, Promagistrates, and the Senate at the Outset of 32 BCE // *Leadership and Initiative in Late Republican and Early Imperial Rome* / Eds. R.M. Frolov, C. Burden-Strevens. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 323–347.
4. Frolov R.M. *Privatus* or *tribunus celerum*? The Myth of Lucius Brutus and the Political Role of Private Individuals // *Myth and History in the Historiography of Early Rome* / Eds. T. Cornell, N. Meunier, D. Miano. Leiden; Boston: Brill, 2023. P. 122–139.

II. Публикации в изданиях, включенных в Перечень ВАК:

1. Фролов Р.М. Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambridge, 2004. XIV, 313 p. // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2009. № 4. С. 264–277.
2. Дементьева В.В., Фролов Р.М. Несанкционированные гражданские *contiones* как общественно-политический институт Римской республики // *Вестник древней истории*. 2009. № 4. С. 63–88.
3. Фролов Р.М. Виды и основные функции римских народных сходок (*contiones*) в эпоху Республики // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2011. № 2. С. 3–18.

4. Фролов Р.М. Этапы законодательного ограничения несанкционированных собраний в Риме // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13 (108). С. 12–19.
5. Фролов Р.М. Возможности использования базы данных о проведении римских *contiones* // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 32–36.
6. Фролов Р.М. Гражданские *contiones* в Римской империи начала III в. н.э. и *testamentum comitiis calatis* в раннем Риме // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Выпуск 8 (16). URL: <https://history.jes.su/s207987840000458-2-1/>
7. Фролов Р.М. *Coetus* как обозначение политических собраний в корпусе сочинений Цицерона // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 3 (41). С. 26–32.
8. Фролов Р.М. *Community and Communication: Oratory and Politics in Republican Rome*. Ed. by C. Steel, H. van der Blom. Oxford: Oxford University Press, 2013. XI, 401 p. // Вестник древней истории. 2014. № 3 (290). С. 204–213.
9. Фролов Р.М. Судебное преследование *magistratus designati*: к вопросу о правовом статусе избранных магистратов Римской Республики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 7 (204). С. 30–37.
10. Фролов Р.М. *Ab re publica remove*: отстранение М. Целия Руфа от должностных обязанностей в 48 г. до н.э. и проблема политической инициативы в эпоху Поздней Римской республики // Вестник древней истории. 2016. Т. 76. № 4. С. 919–937.
11. Фролов Р.М. «Отстранять от управления государственными делами» (*administratione rei publicae summove*): к анализу политической терминологии Римской Республики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 101–109.
12. Фролов Р.М. Интерпретация Р. Бауманом отстранения консула Л. Корнелия Цинны от должностных обязанностей в 87 г. до н.э. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 142–150.
13. Фролов Р.М. Вступил ли проконсул Цезарь в город Рим в начале 49 г. до н.э.? // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 2(52). С. 18–25.
14. Фролов Р.М. Плебейский трибун П. Сульпиций Руф против консула Кв. Помпея Руфа в 88 г. до н.э. (*Plut. Sull.* 8. 8) // Вестник древней истории. 2021. Т. 81. № 1. С. 116–134.
15. Фролов Р.М. *Ad urbem futurum cum exercitu, introiturum quotienscumque vellet*: Цицерон о присутствии проконсула Антония у города Рима в 43 г. до н.э. (*Phil.* 3.27; 5.21–22) // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 2 (64). С. 190–197.
16. Фролов Р.М. Никаких ограничений? Интерпретация триумвирата *rei publicae constituendae* как магистратуры *ad tempus incertum* // Вестник древней истории. 2024. Т. 84. № 4. С. 975–997.

III. Публикации в зарубежных изданиях, индексируемых в международных базах:

1. Frolov R.M. Better than (when) a Magistrate? Caesar's Suspension from Magisterial Functions in 62 B.C. // *Mnemosyne*. 2017. Vol. 70/6. P. 977–995. WOS:000413916000005
2. Frolov R.M. Ayelet Haimson Lushkov, Magistracy and the Historiography of the Roman Republic: Politics in Prose, Cambridge, Cambridge University Press, 2015 // *Latomus*. 2017. Vol. 76/4. P. 1120–1123. WOS:000431385600031
3. Frolov R.M. From *privatus* to *magistratus*: The Political Initiative and the Alleged *ius edicendi* of Magistrates-Elect in Republican Rome // *Historia – Zeitschrift für Alte Geschichte*. 2018. Bd. 67/2. S. 128–159. WOS:000433080200001
4. Frolov R.M. Midway between Magistrates and *privati*? Cinna in 87 BCE // *Athenaeum – Studi di Letteratura e Storia dell' Antichità*. 2019. Vol. 107/2. P. 424–455. WOS:000505653100003
5. Frolov R.M. *Lictoresque habent in urbe et Capitolio privati*: Promagistrates in Rome in 49 BC? // *Phoenix – The Journal of the Classical Association of Canada*. 2019. Vol. 73/1. P. 114–133. WOS:000591690900006
6. Frolov R.M. *Omnes qui sunt eius ordinis a Pompeio evocantur*: The Proconsul Pompeius' Senatorial Meeting in 49 B.C. // *Classical Quarterly*. 2020. Vol. 70/2. P. 707–716. WOS:000629570000020
7. Frolov R.M. The *privatus* Pompeius and Decision-Making in the City of Rome in Early 77 BCE // *Eirene – Studia Graeca et Latina*. 2021. Vol. 57(1–2). P. 217–244. WOS:000773028000010
8. Frolov R.M. Obstruction in Republican Rome – (F.) Görne Die Obstruktionen in Der Römischen Republik. (Historia Einzelschriften 264.) Pp. 333, Figs. Stuttgart: Franz Steiner, 2020 // *Classical Review*. 2021. Vol. 71(2). P. 485–487. WOS:000693988400090
9. Frolov R.M. A Proconsul's Administration of Rome? The *curator annonae* Pompeius, *recensus*, and Public Meetings // *Hermes – Zeitschrift für klassische Philologie*. 2022. Bd. 150/2. S. 190–210. WOS:000811301500004
10. Frolov R.M. Lucan and Republican Promagistrates // *Classical World*. 2024. Vol. 117/3. P. 259–285. WOS:001234169200005
11. Frolov R.M. The Triumvirate *rei publicae constituendae*, ἀντάρχοντες in an Inscription from Aphrodisias, and the Late Republican Promagistracy // *Gerión. Revista de Historia Antigua*. 2024. Vol. 42/1. P. 57–79. WOS:001286588300004

IV. Публикации в других изданиях:

1. Фролов Р.М. Ab re publica remove: отстранение М. Целия Руфа от должности претора в 48 г. до н.э. // *Scholia studiorum: пространство исторического нарратива. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции молодых антиковедов и медиевистов / Под ред. Т.В. Куш. Екатеринбург, 2016. С. 29–31.*
2. Фролов Р.М. Магистратуры ad tempus incertum и ограничение продолжительности должностных полномочий в Римской республике (по поводу концепции у. Коли) // *Lumen intellectus. Памяти Ии Леонидовны Маяк: сборник статей Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ им. П.Г. Демидова / Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль: Филигрань, 2019. С. 31–52.*

3. Фролов Р.М. Практика отстранения от должности в Римской Республике // Право и политика в античном мире: Сборник научных трудов памяти Александра Леонидовича Смышляева / Ред. А.В. Махлаюк, И.Е. Суриков. М., 2021. С. 151–183.
4. Фролов Р.М. *Senatus consultum ultimum* 52 г. до н.э.: легитимация вмешательства промагистратов в сферу *domi* // Цари. Магистраты. Императоры: Сборник статей по истории государственно-правового устройства и политической культуры древних обществ, посвященный юбилею Веры Викторовны Дементьевой, Ярославль, 26 сентября 2022 г. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 94–113.
5. Фролов Р.М. Публично-правовые категории *privatus* и *magistratus* в условиях кризиса Римской республики: консул-десигнат П. Корнелий Долабелла в 44 г. до н.э. // Всероссийская научная конференция «XXIII Сергеевские чтения». Сборник тезисов / Ред. И.А. Ладынин, А.В. Сафронов. М.: Гаудеамус, 2025. С. 91–92.

V. Базы данных:

1. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2016620405 Российская Федерация. От *privatus* к *magistratus*: политическая роль носителей «переходных статусов» в Римской Республике (источники и историография) : № 2016620109 : заявл. 11.02.2016 : опубл. 01.04.2016 / Р.М. Фролов; заявитель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова».
2. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022621851 Российская Федерация. Политическая инициатива промагистратов Римской республики в сфере *domi* (источники и историография) : № 2022621623 : заявл. 06.07.2022 : опубл. 26.07.2022 / Р.М. Фролов ; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова».